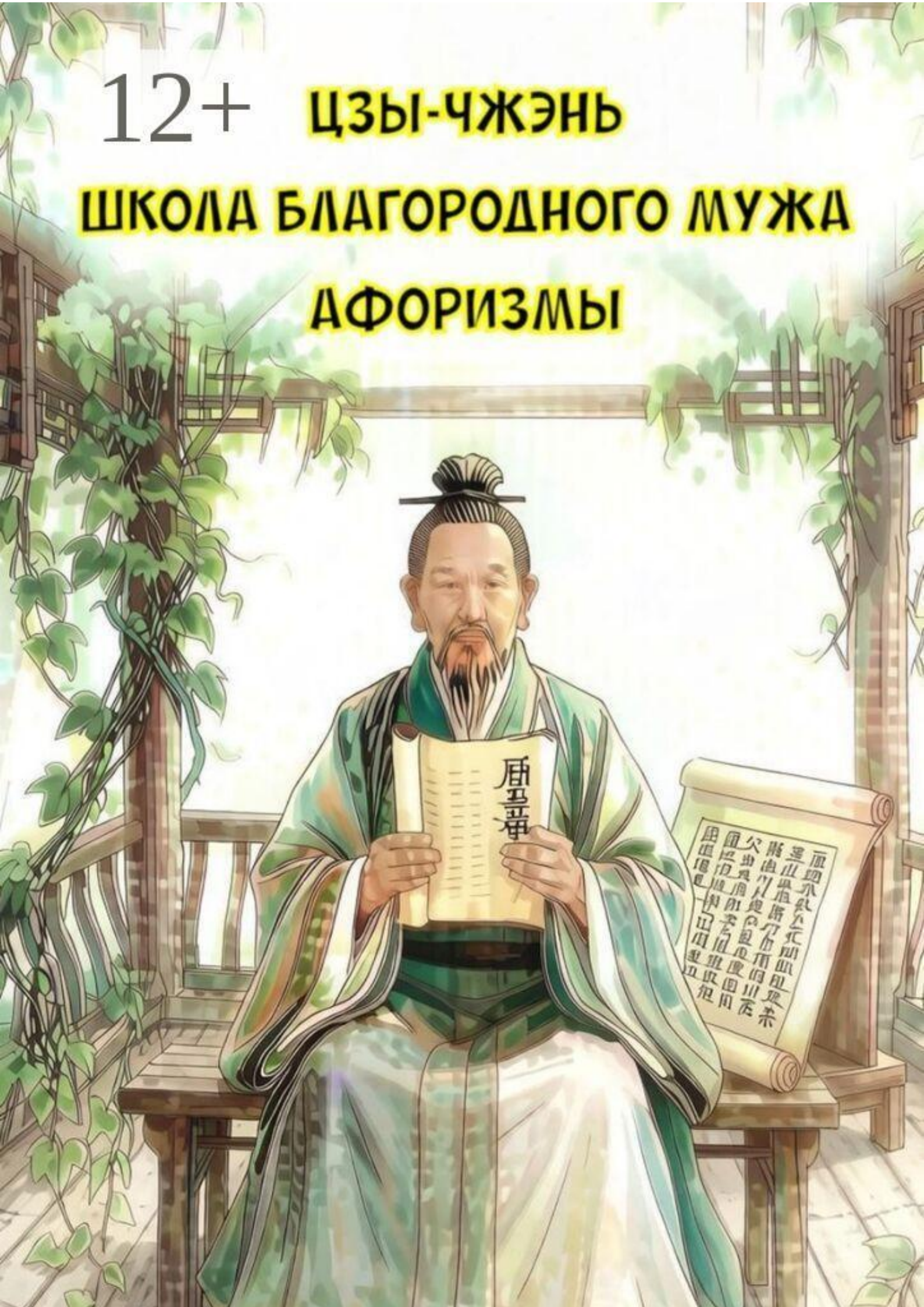

12+ ЦЗЫ-ЧЖЭНЬ

ШКОЛА БЛАГОРОДНОГО МУЖА

АФОРИЗМЫ

ЦЗЫ-ЧЖЭНЬ

**Школа Благородного Мужа.
Афоризмы**

«Издательские решения»

Цзы-Чжэнь

Школа Благородного Мужа. Афоризмы / Цзы-Чжэнь —
«Издательские решения»,

«Школа Благородного Мужа» — это философский трактат, приписываемый древнему малоизвестному философу Цзы-Чжэню. Рукопись была обнаружена в начале XX века на бамбуковых дощечках среди руин храма Тянь-Чжэнь-сы. В данном трактате опубликовано 596 афоризмов, которые раскрывают путь благородного мужа (цзюнь-цзы) — человека, который живёт по долгу и сохраняет сердце чистым посреди мира соблазнов. Это развитие традиции: конфуцианский долг сплетается с даосской невозмутимостью и буддийской пустотой.

© Цзы-Чжэнь

© Издательские решения

Содержание

Цзы-Чжэнь	6
Школа Благородного Мужа	7
Введение	9
Глава первая	11
Конфуций — душа народа	11
Глава вторая	29
НА Острие меча	29
Я	36
Глава третья	52
Камень в бурном потоке	52
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Школа Благородного Мужа Афоризмы

Цзы-Чжэнь

Составитель Геннадий Воловой

Редактор Геннадий Воловой

Переводчик Жирар де Вилляр

© Цзы-Чжэнь, 2026

© Геннадий Воловой, составитель, 2026

© Жирар де Вилляр, перевод, 2026

ISBN 978-5-0071-3618-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Цзы-Чжэнь

Школа Благородного Мужа

От редактора:

Всё началось с Булонского леса. Я стоял у станции метро и пытался объяснить прохожим, как мне пройти к Булонскому лесу. Французский я знал на уровне туриста — то есть почти не знал. Я произносил слова по слогам, путал артикли, улыбался извиняющейся улыбкой и, наверное, выглядел довольно жалко. Я обратился к сухонькой старушке, небольшого роста. Она меня внимательно выслушала, не перебивая, пока я подбирал французские слова, как слушают человека, который заблудился не на улице. Когда я умолк, она просто сказала

— Вы можете говорить по-русски. Я хорошо знаю язык.

Так я познакомился с удивительной женщиной, француженкой по происхождению, родившейся в начале века в России, но волей судеб оказавшейся во Франции.

Ее звали Жирар де Вилляр. Она родилась 12 марта 1911 года. Дедом её был Бруно Максимилианович Жирар де Вилляр — обрусевший француз, родившийся в Самаре, работавший на железной дороге.

В детском возрасте — ей было около девяти — Мария была вывезена в эмиграцию с волной бежавших от революции в Китай — в Харбин, а затем в Сиань. Так делали многие русские эмигранты: из Праги и Харбина тянулись нити в Шанхай, в Сиань, вглубь Китая, где можно было жить недорого и тихо. Когда она подросла, то проявила большой интерес к китайской культуре и стала давать уроки русского и французского языка. С детских лет, она была увлечена китайской литературой, в том числе по её словам, заинтересовалась китайской философией.

Именно там, в 1937 году, она посетила старый монастырь Гуанхуэ-сы в окрестностях Сиана и по разрешению настоятеля — монаха Юй-фана — переписала в свою тетрадь афоризмы и притчи некоего Цзы-Чжэня, учителя, о котором почти никто не знал. Об истории этой тетради — находка в стене дома, монастырь, пожар, копия, снятая монахом, — я рассказываю ниже, в разделе «История текста».

После войны окончания войн 1945 года, когда была изгнана японская квантунская армия, она вместе с семьей переехала во Францию. В Париже работала в библиотеке Сорбонны, преподавала в школе французский язык. Писала на русском — повести, рассказы, очерки. Она переписывалась с Георгием Адамовичем — поэтом и критиком, одной из ключевых фигур литературной эмиграции; с Яковом Горбовым — писателем, мужем поэтессы Ирины Одоевцевой; с княгиней Зинаидой Шаховской — писательницей и историком, кавалером ордена Почётного легиона; с Михаилом Чулаки — композитором и писателем. Ни один из них, насколько мне известно, не знал о тетради 1937 года. Она держала её отдельно от своих литературных занятий. Перевод с китайского на русский, который она делала много лет никому не показывала.

Она пригласила меня к себе. В маленькой на четвертом этаже квартире было чисто и светло. На полках стояли её собственные книги — тонкие, в мягких обложках, изданные в Париже на русском языке в самиздате. К сожалению редакции отказали ей в публикации, ведь

книги были на русском языке, а на французском она не хотела писать принципиально — ее читатель должен знать русский язык. Так она считала. Она показала мне тетрадь в кожаном переплете 1937 года, и пухлую папку с переводом, который она делала почти полвека.

Она сказала: «Это всё, что осталось от одного китайского философа, про которого почти никто не знает. Я переводила его всю жизнь. Теперь — ваша очередь. Может быть, вы сделаете с этим что-нибудь, чего я не успела. Я боялась публиковать, так как понимала, что надо проделать большую работу, чтобы связать мысли Цзы-Чжэня с его временем и китайской философией. Я все собиралась в нее погрузиться, но так и не смогла, жизнь прошла, и у меня нет больше времени чтобы завершить работу. Я очень надеюсь, что вы сможете довести начатое до конца и опубликуете этого замечательного автора.»

Мы виделись ещё несколько раз после того первого дня. Она рассказывала о Харбине, о Сиане, о людях, которых знала, — и каждый раз возвращалась к Цзы-Чжэню. Говорила о нём не как учёный, а как человек, который всю жизнь прожил рядом и стал частью ее жизни. Она восхищалась философскими сентенциями Цзы-Чжэня. Считала его великим философом своего времени.

Её собственные книги так и остались неизвестными русскому читателю, я привез целую библиотеку из 10 ее книг. Они так и лежат у меня, надеюсь со временем я смогу разместить их на литературных сайтах. А между тем она писала о России, о Китае, о Франции, о своей жизни, каково это — жить в чужих странах, где она, честно говоря, так и не стала своей, так и осталась француженкой с русским духом. Но это — отдельная история. Сейчас — о Цзы-Чжэне.

Мари Жирард дэ Вилляр скончалась в декабре 1991 года. Я не знал её близко и не могу объяснить, почему она выбрала именно меня. Может быть, потому, что я был первым за долгие годы, кто зашёл к ней домой и заинтересовался ее творчеством, а её. Может быть, потому, что я стоял у станции и не мог объясниться по-французски — и она решила, что человек, который не боится выглядеть глупым ради того, чтобы найти дорогу, достоин того, чтобы ему доверили чужую. Однако узнав, что я увлечен китайской и японской философией она безоговорочно решила отдать мне заветную тетрадь с переводом Цзы-Чжэня.

Я решился на публикацию только сейчас. Я долго не брался за работу, так как был занят своими произведениями. Но вот наконец дело дошло и до китайского философа. Несколько лет я подготавливал текст, связывая высказывания учителя с конфуцианством и даосизмом. Каков был исходный китайский текст, я не знал, так как работал с подстрочником на русском языке, который я художественно обработал как редактор под русского читателя.

И вот работа завершена и представлена к изданию. Читатель, возможно, задастся вопросом: где оригинал? Кто подтвердит подлинность? Я не могу ответить на эти вопросы. Я могу лишь изложить то, что знаю, и то, что мне рассказала она. Дальше — судите сами.

Тетрадь Мари Жирард дэ Вилляр 1937 года — осталась в ее личном архиве. Что с ним стало, я не знаю. Возможно он сохранился у ее племянника, который унаследовал ее имущество, хотя думаю, что все отправилось на свалку. Черновики перевода с пометками — на руках у меня как и личная переписка Жирар де Вилляр.

Геннадий Воловой Париж — Москва, 1991—2025

Введение

1. Исторический контекст

Эпоха Сражающихся царств (V—III вв. до н. э.) породила «соперничество ста школ». Странствующие мудрецы переходили от двора ко двору, предлагая правителям свои учения. Цзы-Чжэнь не вписывается в этот ряд. Он не странствовал, не искал покровительства и не основывал школы. Всё указывает на жизнь отшельника при горном храме, в стороне от культурных центров. Именно эта отстранённость позволила ему увидеть все школы сразу — не изнутри одной, а с расстояния — и построить учение, которое не повторяет ни одну, а спорит с каждой.

2. География происхождения

Храм Тянь-Чжэнь-сы («Храм Небесной Чистоты») располагался в горах Циньлин — на границе царств Цинь и Чу, в глухой окраине эпохи. Дорога к храму частично была вырублена в скале, а на последнем участке шла по деревянным мосткам, укреплённым на отвесной стене. У подножия — деревня Шии-цунь, около десяти дворов.

«Дорога к храму — это не тропа, а испытание. Кто боится высоты, не дойдёт. Кто несёт гордость, как поклажу, — сбросит её на полпути, и это будет единственная польза от дороги». (Запись Сюнь Бо, фрагмент 3.)

3. Биография Цзы-Чжэня.

Точных дат нет. Сюнь Бо, странствующий учёный из царства Цинь, посетивший храм около 320 г. до н. э., застал уже пожилого учителя. Примерные даты жизни — 380—300 гг. до н. э. Это делает его современником Мэн-цзы и Чжуан-цзы.

О происхождении ничего не известно. Сюнь Бо пишет: «Учитель не говорил о прошлом, как будто родился в тот день, когда пришёл в храм». Поздний комментатор Хуэй Юань (III в. н. э.) добавляет: «Некоторые называли его выходцем из царства Лу, другие — из Чу, но он сам называл себя только «тем, кто чинит мостки».

Цзы-Чжэнь не был настоятелем. Он был смотрителем: поддерживал постройки, следил за очагом, встречал гостей. Учеников в формальном смысле не было — приходившие оставались кто на день, кто на месяц, но он никого не задерживал и никого не отправлял обратно.

4. Учение Цзы-Чжэня.

Цзы-Чжэнь — не конфуцианец, хотя конфуцианство для него — фундамент. Не даос, не буддист, не легист, хотя из каждого берёт то, без чего благородный муж в нынешнем мире не выживет. Он — новатор, и новаторство его не в том, что он отвергает Учителя, а в том, что видит: мир изменился, и рецепты эпохи Конфуция недостаточны для эпохи Сражающихся царств.

Фундамент — конфуцианство.

Основа — благородный муж (цзюнь-цзы). Верность слову, справедливость, следование пути. Верность слову он называет высшей добродетелью: тот, кто обещал и отдал всё, не безумен — он верен себе. Это прямая линия от Конфуция, и Цзы-Чжэнь её укрепляет. Но здесь расходится с традицией. Конфуций верил в воспитуемость через ритуал и обращался к лучшему в человеке. Цзы-Чжэнь говорит: «Совершенных людей нет, поэтому в общении с людьми жди от них каверзы». Не цинизм — трезвость. Конфуций обращался к лучшему. Цзы-Чжэнь — к реальному.

Влияние даосизм.

Отстранение, невовлечённость, наблюдение сверху — от Лао-цзы и Чжуан-цзы. Но у даосов отстранение — цель, путь к слиянию с миром. У Цзы-Чжэня — средство: благородный муж отстраняется не от мира, а от суеты, чтобы сохранить ясность для правильного действия. Даосская невозмутимость для него — не покой, а боевой строй души.

Влияние буддизма.

Понимание желаний как источника страдания, способность видеть призрачность вещей. Но Цзы-Чжэнь спорит: «Многие полагают, что таково и должно быть сердце Будды. Но разве оно такое? Радоваться жизни и спешить делать то, что должно, — вот истинное положение доблестного мужа». Буддизм для него — не путь спасения, а инструмент очищения восприятия.

Итог.

Благородный муж стоит на конфуцианском фундаменте, держит даосский щит, смотрит буддийскими глазами. Цзы-Чжэнь чтит Учителя, но говорит прямо: «Учитель был прав для своего времени. Я прав для своего». В отличие от конфуцианской традиции, где цзюнь-цзы — идеал, достижимый через образование и ритуал, Цзы-Чжэнь говорит о благородстве как о повседневной практике: не в подвигах, а в мелочах; не в знании, а в поступке. Его благородный муж — не мудрец на троне, а человек на дороге, который каждое утро решает: не свернуть ли с пути, не поддаться ли соблазну, не уступить ли страху. И каждый раз выбирает остаться.

5. Оригинальный текст.

Оригинальный бамбуковый свиток погиб при пожаре монастыря Гуанхуэ-сы в 1938 году.

В 1949 году Мари Жирард дэ Вилляр покинула Китай и переехала во Францию, увозя свою тетрадь. Перевод на русский язык выполнила в 1950—1980-е годы в Париже. В 1991 году передала перевод с пометками публикатору — Геннадию Воловому. Данный текст — не всё наследие Цзы-Чжэня: публикатор обещает со временем выпустить и другие части перевода, переданные ему, и которые не вошли в данную книгу, но это дело более позднего времени.

Глава первая

Конфуций — душа народа

Мир полон порчи и скверны. В нём нет места человечности. Доблестные мужи находятся в опале. Я вернулся, чтобы возродить славные традиции добра и справедливости. Мой дух с вами. Я передаю его вам наставлениями моего ученика. Вместе мы победим.

Цзы-Чжэнь

Конфуций говорил: «Благородный муж думает о добродетели; низкий думает о том, как бы ему устроиться поудобнее» («Лунь юй», IV.11). Мэн-цзы добавлял: «Когда Поднебесная в хаосе, добродетельные уходят в тень, но их дух не угасает; наступит час — и они вернуться, потому что без них мир не выстоит» (II. А.6). Хань Юй, возродитель конфуцианства IX века, писал: «Я взялся восстановить то, что было утрачено, не потому что мне это выгодно, а потому что без этого мир — пуст». Цзы-Чжэнь — на той же позиции: возвращение к добродетели — не бегство от мира, а долг перед ним.

1.

Простить или не простить. Сделать шаг навстречу или промолчать. Протянуть руку или пойти своей дорогой. Вот выбор, над которым не задумывается обыкновенный человек. Вот выбор, который мучителен для доблестного мужа.

Конфуций учил: «Не делай другим того, чего не желаешь себе» («Лунь юй», XII.2) — это принцип. Но Конфуций не описывает муку выбора. Мэн-цзы добавлял: «Благородный муж отличается от обыкновенного тем, что хранит сердце; сердце — это то, что мучается, когда другие не замечают» (II. А.6). Чэн Хао, неоконфуцианец XI века, скажет: «Жэнь — это единство со всем сущим; кто познал жэнь, не может не выбирать мучительно, потому что каждый выбор — выбор за всех». Цзы-Чжэнь предвосхищает: человечность начинается там, где выбор становится болью. Обыкновенный не мучается — не потому что уверен, а потому что равнодушен.

2.

Поднимешься на гору — и увидишь начало в одной стороне и предел в другой. Между ними твоя жизнь. Как пройдёшь путь — по пустыне или в цветущих садах — зависит только от тебя. Выбирая путь, помни, что ничего хорошего само по себе не возникает, а всё плохое берётся само собой.

Конфуций говорил: «Стоя на берегу реки, Учитель сказал: всё течёт, вот так и время» («Лунь юй», IX.17). Но Конфуций — о созерцании, а Цзы-Чжэнь — о выборе: гора — точка, откуда виден весь путь. Лао-цзы учил: «Великий путь ровен, но люди любят тропинки» («Дао дэ цзин», 53) — то есть добро не требует усилия, а зло — нет. Шао Юн, философ XI века, учивший что время определяет всё, говорил: «Судьба — это узор, в котором случайность — лишь непрочитанная закономерность; закономерность в том, что зло не требует

усилия, а добро — требует». Цзы-Чжэнь добавляет: асимметрия заложена в природе вещей — хорошее нужно строить, плохое приходит само.

3.

Для мудрого есть два пути существования в этом мире — путь монаха и доблестного мужа. Для первого — отстранение и самоуглубление, уединение и скромность. Для второго — лёд в огне. Это умение остаться трезвым на хмельном пиру, отодвинуть от себя жирный кусок и взять в руки сухарь. Это путь лиса между тиграми. И первый, и второй путь ведут к одной цели. Но первый подходит аскетам, а второй — обыкновенным людям, живущим среди мирских страстей.

Конфуций говорил: «Среди людей — как среди людей» («Лунь юй», XIII.19) — то есть путь в миру. Чжуан-цзы, напротив, описывал совершенного человека, который «не тонет в воде, не горит в огне» и уходит от мира (гл. I). «Хуайнань-цзы» (II в. до н. э.) пытался соединить: «Мудрец живёт в мире, но не принадлежит миру; он действует, но не привязан к действию». Цзы-Чжэнь идёт дальше: оба пути ведут к одной цели, но путь «льда в огне» — для тех, кто живёт в миру. Это практический синтез, которого ни Конфуций, ни Чжуан-цзы, ни составители «Хуайнань-цзы» не предлагали. «Лис между тиграми» — образ, которого нет в классических текстах.

4.

Быть готовым к неприятным неожиданностям. Не винить других и не сожалеть об упущенном — вот в чём сила духа доблестного мужа. Всё происходящее он воспринимает как неизбежное. Он деятелен, когда можно, и созерцателен, когда невозможно.

Конфуций говорил: «Услышав о правильном пути — иди по нему, даже если впереди гибель» («Лунь юй», VIII.13). Но Конфуций — о решимости, а Цзы-Чжэнь — о гибкости: деятельен — когда можно, созерцателен — когда нельзя. Гуань-цзы (VII в. до н. э.) учил: «Мудрый правитель не борется с обстоятельствами — он использует их; вода не сопротивляется камню, она обтекает его». Лао-цзы добавлял: «Вода не спорит — и потому побеждает» («Дао дэ цзин», 8). Ван Янмин, мыслитель XVI века, скажет: «Знать, что нельзя изменить, и не тревожиться — не слабость, а мудрость; но знать, что можно изменить, и не действовать — слабость». Цзы-Чжэнь синтезирует: сила духа — не в напоре, а в умении чередовать действие и созерцание.

5.

Опередить друга в его просьбе, не дать ему возможности просить нужное — вот вежливость, которую должен проявить добрый муж.

Конфуций говорил: «Благородный муж помогает людям в добрых делах» («Лунь юй», XII.24). Но Конфуций — о помощи, а Цзы-Чжэнь — об опережении: истинная вежливость — не ответить на просьбу, а сделать так, чтобы просьбы не возникло. Мэн-цзы учил: «Правитель видит страдания народа раньше, чем народ жалуется» (I.A.7). Янь-цзы, мастер дипломатии VI века, действовал именно так — предвосхищал просьбу правителя, прежде чем тот успевал её высказать. «Хуайнань-цзы» добавляла: «Высшая щедрость — не дать, когда просят, а дать до того, как подумают попросить». Цзы-Чжэнь переносит это с государства на дружбу: лучший друг — тот, кто не ждёт просьбы.

6.

Несовершенство разобьётся о совершенство. Доблестному мужу нечего себя корить за содеянное. В любой ситуации он остаётся чист, потому что следует правилам, потому что заключил в своё сердце справедливость и милосердие.

Конфуций говорил: «Сдерживать себя и возвращаться к ритуалу» («Лунь юй», XII.1). Но Конфуций — о усилении, а Цзы-Чжэнь — о результате: если сердце заключило в себя справедливость — нечего корить. «Справедливость и милосердие» (и и жэнь) — два конфуцианских термина в одной формуле. Мэн-цзы учил: «У всех есть сердце, не переносящее страданий других; кто взрастил его, тот чист» (II. A.6). Ван Янмин скажет: «Единство знания и действия — вот суть; знающий, но не действующий, не знает; действующий по справедливости — чист, потому что действие и есть чистота». Цзы-Чжэнь предвосхищает: чистота — не состояние, а следствие правильного действия.

7.

Учиться и ничего не познать — такое учение трудно назвать полезным. Бежать и свернуть в сторону — такое поведение не назовёшь целеустремлённостью. Общаться и не научиться ладить с людьми — такое не назовёшь гибкостью. Усваивать знания, которые принесут пользу, ставить значимые цели и быть гибким — вот способ достичь благополучия в мире людей.

Конфуций говорил: «Учиться, не размышляя, — пустая трата; размышлять, не учась, — опасно» («Лунь юй», II.15). Но Конфуций — о двух опасностях, а Цзы-Чжэнь — о трёх: учение без результата, бегство без цели, общение без гибкости. Сюнь-цзы учил: «Учиться — значит выпрямлять себя; учение без выпрямления — напрасный труд» (гл. «Об учении»). Чжу Си, систематизатор неоконфуцианства XII века, добавлял: «Исследуй принцип во всех вещах — и постепенно прояснится; но исследование без цели — пыль в глазах». Цзы-Чжэнь — практичнее: знание должно приносить пользу, цель должна быть значимой, общение — гибким. Три фундамента — три условия благополучия.

8.

Человек видит цель, но не видит себя в стремлении к ней. Он слышит звон колокола, но не слышит звон цикад. Он стремится к любви, но принижает любящего. Если бы он мог видеть себя со стороны, то за многие поступки ему бы стало стыдно. Вот почему древние говорили: познай себя.

Лао-цзы говорил: «Познай других — мудрость; познай себя — просветление» («Дао дэ цзин», 33). Но Лао-цзы — о познании как принципе, а Цзы-Чжэнь — о стыде: самопознание начинается не с любопытства, а со стыда за свои поступки. Лу Цзююань, оппонент Чжу Си, скажет: «Истина не во внешних вещах, а в сердце; кто не заглянул в сердце, не знает ничего, даже если прочитал десять тысяч книг». Чжуан-цзы добавлял: «Мудрец видит себя в каждом зеркале; глупец видит только других» (гл. II). «Звон колокола и звон цикад» — контраст большого и малого, человеческого и природного, близкий к образности «Шицзин». Цзы-Чжэнь: познай себя — не через внешний анализ, а через внутренний стыд.

9.

Низкий не возвращает долг. Обыкновенный человек смотрит, что скажут люди, и испытывает терзания. Доблестный муж отдаёт взятое без тени сомнения и благодарит за оказанную услугу.

Трёхступенчатая градация: низкий — обыкновенный — доблестный. Конфуций различал: «Благородный муж знает долг, низкий знает выгоду» («Лунь юй», IV.16). Но Конфуций — о знании, а Цзы-Чжэнь — о действии: низкий — не возвращает, обыкновенный — возвращает, но мучается, доблестный — возвращает с благодарностью. Мэн-цзы учил: «Долг не зависит от того, заслуживает ли человек; долг — перед собой, а не перед ним» (П. А.6). Сюнь-цзы добавлял: «Низкий не возвращает, потому что не чувствует долга; обыкновенный возвращает, потому что боится суда; доблестный возвращает, потому что не может иначе» (гл. «О злой природе»). Третий шаг — выше конфуцианского: не просто долг, а благодарность.

10.

Любимая женщина, стакан вина, открытое окно в сад — что ещё надо в жизни для полного счастья? Если желаешь большего — это уже не счастье, а печаль.

Лао-цзы говорил: «Знать достаток — значит быть богатым; кто не знает достатка, тот беден при сокровищах» («Дао дэ цзин», 33). Бай Цзюйи, поэт IX века, писал: «Чашка вина, лютня, книга — и я не променяю это на царство; кто желает большего, тот не счастлив, а голоден». Гэ Хун в «Баопу-цзы» учил: «Довольство — корень долголетия; кто не знает довольства, тот не живёт, а гонится за жизнью». Цзы-Чжэнь — острее: он не отрицает большее, он предупреждает — большее уже не счастье. Три вещи — женщина, вино, окно в сад — и граница, за которой счастье становится печалью.

11.

Стремление возвыситься над другим — вот что делает человека гордым. Богатство в сундуке — вот что делает его жадным. Зависть к чужому успеху — вот что делает его тщеславным. Благородный муж не ставит себя выше других. Он не собирает в сундуках богатство всего мира. Он не стремится обладать славой. Ему не нужно признание в мире людей. Он свободен и безмятежен.

Лао-цзы говорил: «Не выставляй себя — и потому заметен; не оправдывай себя — и потому проявлен» («Дао дэ цзин», 22). Гэ Хун в «Баопу-цзы» писал: «Жадность — корень смерти; довольство — корень долголетия; кто копит больше, чем нужно, копит свою гибель». Конфуций учил: «Благородный муж знает долг; низкий знает выгоду» («Лунь юй», IV.16). Цзы-Чжэнь — о трёх причинах порока — гордость, жадность, тщеславие — и о трёх отказах. Свобода — не в наличии, а в отсутствии: не ставит, не собирает, не стремится. И в этом — безмятежность.

12.

Человек завидует тому, чего не имеет, а что имеет — не ценит. Благородный муж ничему не завидует и ценит то, что имеет.

Лао-цзы говорил: «Знать меру — не познать позора; знать предел — не знать опасности» («Дао дэ цзин», 44). Конфуций учил: «Благородный муж спокоен и безмятежен; низкий всегда в тревоге» («Лунь юй», XII.10). Бай Цзюйи писал: «Чужой рис сладок, пока не попробуешь свой; свой — пресный, пока не потеряешь». Цзы-Чжэнь — о двойной ошибке восприятия: зависть к отсутствующему и обесценивание имеющего. Две ошибки — один корень: неумение видеть.

13.

Страсти управляют человеком. Может ли он говорить, что он управляет судьбой? Тайные желания толкают его на преступления. Может ли он говорить, что не знал, что творит зло?

Конфуций говорил: «Я не видел, чтобы кто-то любил добродетель так, как красоту» («Лунь юй», IX.18). Сюнь-цзы учил, что природа человека зла, а добро — результат усилия (гл. «О злой природе»). Гэ Хун в «Баопу-цзы» описывал «трёх демонов», которые живут внутри человека и управляют его помыслами: «Один вселяется через желания, второй — через гнев, третий — через гордыню; они не спрашивают согласия — они действуют». Цзы-Чжэнь — между Сюнь-цзы и Гэ Хуном: не природа зла, но страсти сильнее природы. Тайные желания — не внешнее искушение, а внутренний хозяин, и потому «не знал» — ложь.

14.

Кто никогда не скажет правду, не откроет своего сердца, не протянет руки помощи — тот знает цену людям, но не знает, что такое человечность.

Лао-цзы говорил: «Мудрец не имеет постоянного сердца — берёт сердце народа как своё» («Дао дэ цзин», 49). Конфуций учил: «Жэнь — это любить людей» («Лунь юй», XII.22). Чжан Цзай, неоконфуцианец XI века, скажет: «Небо и Земля — мои родители; все люди — мои братья; кто знает цену, но не знает человечности, тот — счётчик, а не брат». Цзы-Чжэнь — о цинике: знающий цену — знает расчёт, но не знает связи. Человечность — не измерение, а присутствие.

15.

Истина прежде всего нужна тебе, а поймут ли её другие — неважно.

Конфуций говорил: «Не печалься, что люди тебя не знают; печалься, если ты не знаешь людей» («Лунь юй», I.16). Но Конфуций — о знании, а Цзы-Чжэнь — об истине: истина — не для других, а для себя. Лао-цзы учил: «Не выходя из двери, познать мир; не выглядывая из окна, познать путь неба» («Дао дэ цзин», 47). Ван Янмин скажет: «Сердце — есть принцип; вне сердца нет принципа; истина — внутри, и вне понимания других она не теряет ценности». Цзы-Чжэнь предвосхищает: истина — не аргумент, а внутренняя опора.

16.

Это же каждому дураку понятно, что лучше умереть в пятьдесят лет среди вина, женщин и песен, чем в сто лет под шелест деревьев на берегу горного озера.

Парадокс: глупец «понимает» — но понимает наоборот. Конфуций говорил: «Учиться и не уставать — разве не радость?» («Лунь юй», VII.2). Чжуан-цзы описывал отшельника, живущего на горе в покое (гл. I). Бай Цзюйи писал: «Глупец бежит за наслаждением и находит старость; мудрый ищет покой и находит вечность». Цзы-Чжэнь доводит до абсурда: то, что дураку кажется лучшим, и есть худшее; то, что ему кажется худшим, — лучшее. «Понимание» дурака — это перевёрнутая истина.

17.

В стране, где заставляют молчать, живёшь дольше, чем в той, где всё позволено говорить.

Парадокс безопасности. Хань Фэй-цзы учил: «Тот, кто управляет словами, управляет людьми; молчание — не угнетение, а условие порядка» (гл. «Пять вредителей»). Шэнь Дао, легист V века, учил: «Власть опирается не на слово, а на положение; слово — излишек, молчание — мера». Лао-цзы говорил: «Знающий не говорит; говорящий не знает» («Дао дэ цзин», 56). Цзы-Чжэнь соединяет: в молчании — и мудрость Лао-цзы, и прагматика Шэнь Дао. Это не похвала тирании, а наблюдение: там, где молчат, — выживают; там, где говорят, — гибнут.

18.

Чем больше человек живёт, тем больше он становится вещью.

Лао-цзы говорил: «Уменьшай, уменьшай — и придёшь к недеянию» («Дао дэ цзин», 48). Но Лао-цзы — об уменьшении как пути, а Цзы-Чжэнь — об увеличении как расплате: жизнь накапливает — привычки, вещи, роли — и человек теряет суть. Чжуан-цзы предупреждал: «Вещи подчиняют человека; кто привязан к вещам, теряется в них» (гл. II). Вэнь-цзы, толкователь Лао-цзы, добавлял: «Тот, кто привязан к вещам, теряет себя; чем больше у него, тем меньше он». Цзы-Чжэнь формулирует как диагноз: человек не замечает, как становится вещью, потому что процесс — постепенный.

19.

Война показывает истинное отношение людей друг к другу.

Конфуций говорил: «Смотрю, как человек действует; наблюдай, почему он так действует; по чему он находит покой — и сможет ли кто-то скрыть своё лицо?» («Лунь юй», II.10). Сунь-цзы учил: «Если не знаешь противника и себя — не сможешь победить; война — проверка, которую нельзя подделать» (I.3). «Хуайнань-цзы» добавляла: «В мире все носят маски; война — единственное, что их сбивает». Цзы-Чжэнь — о критерии: война — экстремальный тест, при котором маски падают. Не потому что люди меняются, а потому что больше не могут притворяться.

20.

Желания — это демоны искушения. Они незримы, но отравляют жизнь вполне реально.

Лао-цзы говорил: «Пять цветов слепят глаза; пять тонов оглушают уши; пять вкусов портят рот» («Дао дэ цзин», 12). Гэ Хун в «Баопу-цзы» прямо описывал: «Три демона живут внутри человека: один вселяется через желания, второй — через гнев, третий — через гор-

дыню; они незримы, но отравляют вполне реально — как яд, который не виден, но убивает». Чжуан-цзы добавлял: «Желание — это крючок, на который человек сам себя ловит; он не видит крючка, но чувствует боль» (гл. II). Цзы-Чжэнь предвосхищает Гэ Хуна: желания — не метафора, а активная сила. Борьба с ними — не этика, а выживание.

21.

В сообществе злодеев никто не может быть плохим.

Лао-цзы говорил: «Когда утратили дао — появилась добродетель; когда утратили добродетель — появился ритуал» («Дао дэ цзин», 38). «Хуайнань-цзы» учила: «Рыба, живущая в мутной воде, не знает, что вода мутная; человек среди злодеев не знает, что он злой». Сюнь-цзы добавлял: «Среда формирует человека, как гончар формирует глину; в среде зла добро — отклонение» (гл. «О злой природе»). Цзы-Чжэнь — о норме: в сообществе злодеев зло — норма, и потому никто не «плохой». Не потому что нет зла, а потому что нет меры для сравнения.

22.

Есть общение, которое поддерживает вежливые отношения, а есть пересечение интересов. Человек, который поддерживает хор общих истин на пересечении интересов, становится хищником. Бесы владеют его душой. Каждое новое желание рождает по бесёнку. Чем дальше исток, тем мутней вода.

Лао-цзы говорил: «Когда утратили дао — появилась добродетель; когда утратили добродетель — появился ритуал» («Дао дэ цзин», 38). Чжуан-цзы иронизировал: «Лиса улыбается, когда хочет укусить; вежливость без искренности — маска хищника» (гл. IV). Гэ Хун в «Баопу-цзы» учил: «Каждое новое желание рождает демона; демоны плодятся, как черви в плодовом дереве; дерево ещё стоит, но внутри — пусто». «Чем дальше исток, тем мутней вода» — близко к «Дао дэ цзин», 8: «Вода — высшая добродетель» — но у Лао-цзы вода чиста, а у Цзы-Чжэня мутнеет.

23.

Имеют ли праведники пороки? Да, они остались в прошлом. Имеют ли злодеи добродетели? Да, они остались в прошлом.

Парный парадокс. Конфуций говорил: «По природе люди близки; по привычкам далеки» («Лунь юй», XVII.2). Но Конфуций — о природе и привычке, а Цзы-Чжэнь — о времени: праведник был злодеем, злодей был праведником — и следы остались. Чжуан-цзы учил, что оценки относительны (гл. II). Чэн И, неоконфуцианец XI века, скажет: «В каждом человеке есть и семя добра, и семя зла; вопрос в том, какое взращивают; но прошлое не исчезает — оно в тени настоящего». Цзы-Чжэнь — о том, что взращивание оставляет следы: прошлое не исчезает.

24.

Избежать свою судьбу может только человек, который выйдет из потока сознания. Но как можно выйти из самого себя? Как может река изменить своё русло? Вот почему своей судьбы нельзя избежать.

Лао-цзы говорил: «Постижение постоянства — вот просветление; непостижение постоянства ведёт к беде» («Дао дэ цзин», 16). Шао Юн, философ XI века, создал систему, в которой «время и судьба — одно: человек — это узор в ткани времени; нитей не изменить». Мэн-цзы различал «судьбу» (мин) и «человеческие усилия» (VI. A.7) — но Мэн-цзы оставлял место усилию, а Цзы-Чжэнь — нет. Чжуан-цзы учил: «Река течёт, потому что такова её природа; человек идёт, потому что таков его путь; изменить русло — значит изменить себя, а себя изменить нельзя» (гл. VI). Цзы-Чжэнь предвосхищает Шао Юна: судьба — не внешнее, а внутреннее, и потому неизбежное.

25.

Глупыми люди рождаются, глупыми живут и глупыми умирают. Попробуй пойти по дороге мудреца — и люди посмотрят на тебя как на человека, лишённого рассудка.

Лао-цзы говорил: «Мудрец практикует дао, а глупец смеётся» («Дао дэ цзин», 41). Конфуций замечал: «Я не встречал того, кто любил бы добродетель так, как любит красоту» («Лунь юй», IX.18). Чжуан-цзы добавлял: «Лягушка в колодце не верит, что море существует; глупец не верит, что мудрость существует» (гл. XVII). Цзы-Чжэнь — о тотальности: глупость — не эпизод, а вся жизнь. «Дорога мудреца» — прямой образ из «Дао дэ цзин», 53: «Великий путь ровен, но люди любят тропинки».

26.

Умение преодолевать препятствия есть хорошо выученный урок мудрости.

Конфуций говорил: «Учиться и не уставать» («Лунь юй», VII.2). Мэн-цзы учил: «Небо, прежде чем поручить человеку великое дело, сначала испытывает его сердце горестями, изнуряет его тело голодом, подвергает его трудностям» (VI. A.15). Сюнь-цзы добавлял: «Препятствие — не стена, а учитель; кто не выучил урок — сталкивается снова и снова, пока не выучит» (гл. «Об учении»). Цзы-Чжэнь — практичнее: препятствие — не от Неба, а от жизни, и урок — не для великого дела, а для каждого дня. Преодоление — не подвиг, а экзамен.

27.

Человек уверен в своём будущем, потому что его настоящее прочно. Когда приходит будущее, он начинает понимать, как непрочно было его настоящее и как непредсказуемо будущее.

Конфуций говорил: «Знать судьбу — признак мудрости» («Лунь юй», II.4). Шао Юн говорил: «Будущее — это настоящее, увиденное из другого конца; кто видит конец, не живёт беспечно». Лао-цзы учил: «Кто не знает постоянства, тот блуждает в беде» («Дао дэ цзин», 16). Цзы-Чжэнь — об иллюзии уверенности: настоящее кажется прочным, потому что мы в нём живём, а будущее — непредсказуемым, потому что мы в нём ещё нет. Прочность — иллюзия точки наблюдения.

28.

Все живут во сне. Иногда немногие светлые головы просыпаются, чтобы ужаснуться, и снова засыпают.

Чжуан-цзы говорил: «Не знаю я, Чжоу ли видел во сне бабочку, или бабочке снится, что она Чжоу» (гл. II). Но Чжуан-цзы — о неразличимости сна и яви, а Цзы-Чжэнь — о нежелании бодрствовать: просыпаются — и снова засыпают, потому что явь страшнее сна. Гэ Хун в «Баопу-цзы» писал: «Большинство людей живут как во сне; смерть — единственное пробуждение». Лао-цзы добавлял: «Постижение постоянства — вот просветление; непостижение — сон» («Дао дэ цзин», 16). Цзы-Чжэнь — острее Гэ Хуна: пробуждение приходит не от смерти, а от ужаса, но длится — мгновение.

29.

Всё лучшее далеко. Всё плохое рядом. Когда уходишь далеко, то начинаешь понимать, что всё хорошее осталось там, где был раньше.

Близко к «Дао дэ цзин», 58: «Беда — это то, в чём таится счастье; счастье — это то, в чём таится беда». Но Лао-цзы — о взаимопревращении, а Цзы-Чжэнь — о расстоянии: хорошее и плохое определяются не качеством, а положением. «Шицзин» полон мотивов тоски по оставленному дому. Бай Цзюйи писал: «Чужой рис сладок, пока не попробуешь свой; свой — пресный, пока не потеряешь». Цзы-Чжэнь развивает этот мотив: тоска — не по месту, а по утраченному восприятию. Хорошее — там, где ты был; плохое — там, где ты есть.

30.

Думай о последствиях — это просветляет разум.

Конфуций говорил: «Сначала делай, потом говори» («Лунь юй», II.13) и «тот, кто не думает о далёком, встретит беды поблизости» (XII.20). Ван Янмин скажет: «Знание и действие — одно; думать о последствиях — уже начало действия». Лао-цзы добавлял: «Кто не знает постоянства, тот блуждает в беде; кто знает — тот светел» («Дао дэ цзин», 16). Цзы-Чжэнь — о методе: думать о последствиях — значит осветить разум, как лампа освещает тёмную комнату. Мысль — не тормоз, а фонарь.

31.

Как попасть в цель в темноте? Надо видеть цель зрением души. Как услышать шаги за сто метров? Надо слышать шаги, предполагая их. Как увернуться от камнепада? Надо стать камнем, о который будут разбиваться камни.

Тройная конструкция. Лао-цзы говорил: «Не выходя из двери, познать мир; не выглядывая из окна, познать путь неба» («Дао дэ цзин», 47). Гуй-гу-цзы, мастер стратегии, учил: «Тот, кто видит незримое, слышит неслышимое и чувствует неосоздаемое, — неуязвим; но этого нельзя выучить — этому можно только научиться через риск». Чжуан-цзы описывал канатоходца, который «не думает о пропасти, потому что думает о шаге» (гл. XIX). Цзы-Чжэнь — в том же духе, но через образы природы, а не войны: зрение души, слух предположения, твёрдость камня. «Стать камнем» — образ, характерный для даосской образности.

32.

Как только человек проявляет слабость — его подавляют. Вот почему важно быть сильным. Как только человек попадает в беду — он теряет разум. Вот почему важно быть мудрым. Когда человек теряет любовь — он растерян. Вот почему важно иметь доброе сердце.

Тройная конструкция: сила — мудрость — доброе сердце. Конфуций говорил: «Благородный муж твёрд» («Лунь юй», IX.29). Мэн-цзы учил: «Сила без милосердия — насилие; милосердие без силы — беспомощность; только равновесие — доблесть» (II. A.2). «Люй-ши чуньцю», энциклопедия III века, учила: «Сила без мудрости — гибель; мудрость без доброты — жестокость; доброта без силы — бессилие». Цзы-Чжэнь соединяет: три причины потери — слабость, беда, утрата любви — и три лекарства — сила, мудрость, доброе сердце. Все три нужны одновременно.

33.

То, что человек считает разумом, — есть не более чем обветшалые тряпки. То, что он считает достоинствами, — есть не более чем пресыщенная гордость. То, что он считает ценностями, — есть не более чем черепичные осколки. Однажды он увидит, что сидит перед черепичными осколками и обветшалыми тряпками без поддержки друзей и родных.

Тройное обесценивание. Лао-цзы говорил: «Когда утратили дао — появилась добродетель; когда утратили добродетель — появился ритуал» («Дао дэ цзин», 38). Конфуций говорил: «Не печалься, что люди тебя не знают» («Лунь юй», I.16). Хань Юй, возродитель конфуцианства IX века, боролся с подменой сути формой: «Когда форма заменяет суть, дух умирает; остаётся оболочка, которая гремит, как пустой кувшин». Чжуан-цзы добавлял: «Мудрец не держится за то, что нельзя сохранить; тряпки и осколки — не сокровища, а хлам, который человек принимает за сокровища» (гл. VI). Цзы-Чжэнь — острее: не только не знают, но и не поддержат. И тогда — останется хлам.

34.

Разум — это маяк в бушующем жизненном море, но разве объяснишь это тому, кто плывёт при штиле и лучах солнца? Пока буря не грянет — значение маяка ничтожно.

Конфуций говорил: «Учиться, не размышляя, — пустая трата» («Лунь юй», II.15). Мэн-цзы учил: «Небо испытывает человека, прежде чем поручить великое; но большинство не дожидается испытания — они ценят маяк только после кораблекрушения» (VI. A.15). Гэ Хун в «Баопу-цзы» писал: «Маяк нужен только в бурю; в штиль он — лишний; но буря приходит всегда, а маяк — не всегда». Цзы-Чжэнь — о не востребованности: разум нужен только в беде, а в покое — избыточен. И потому большинство — не готово.

35.

Мы делаем лишь то, что заставляет нас делать необходимость, и не делаем того, что нам действительно нужно. Вот почему важно заставлять себя делать нужное — тогда мы перестанем быть рабами необходимости.

Конфуций говорил: «Сдерживать себя и возвращаться к ритуалу» («Лунь юй», XII.1). Лао-цзы учил: «Покоривший себя — могуч» («Дао дэ цзин», 33). Ван Янмин скажет: «Знать, что нужно делать, и не делать — это не знание; единство знания и действия — вот путь; кто заставляет себя — уже действует». Цзы-Чжэнь предвосхищает Ван Ямина: рабство — не внешнее, а внутреннее. Мы сами выбираем делать то, что заставляют, а не то, что нужно. «Заставлять себя» — это и есть действие, без которого знание — мертво.

36.

Не надо хорошо выглядеть перед другими — надо хорошо выглядеть перед собой.

Лао-цзы говорил: «Не выставляй себя — и потому заметен» («Дао дэ цзин», 22). Конфуций учил: «Благородный муж требует от себя; низкий требует от других» («Лунь юй», XV.21). Лу Цзююань, оппонент Чжу Си, скажет: «Сердце — единственный судья; вне сердца нет суда». Цзы-Чжэнь — проще и точнее: единственный зритель, перед которым имеет смысл выглядеть хорошо, — ты сам. Не общество, не Небо — а ты.

37.

Когда делаешь добро другому — для себя тоже его делаешь.

Лао-цзы говорил: «Мудрец не имеет постоянного сердца — берёт сердце народа как своё» («Дао дэ цзин», 49). Мэн-цзы учил: «У всех есть сердце, не переносящее страданий других — это и есть человечность» (II. A.6). Чжан Цай скажет: «Все люди — мои братья, все вещи — мои спутники; кто отдаёт другому, тот отдаёт себе, потому что другой — это ты» («Западная надпись»). Цзы-Чжэнь — о механизме: добро — не жертва, а взаимное преображение. Помогая, ты укрепляешь собственное сердце.

38.

Самоуверенность часто — замена ума.

Лао-цзы говорил: «Самовлюблённый не просияет; самодовольный не будет признан» («Дао дэ цзин», 24). «Люй-ши чуныцю» предупреждала: «Тот, кто уверен в своём знании, перестаёт учиться; тот, кто перестаёт учиться, начинает глупеть; самоуверенность — не сила, а корка, под которой гниёт разум». Сюнь-цзы добавлял: «Тот, кто думает, что знает всё, на самом деле не знает ничего; смирение — путь к знанию, самоуверенность — путь к глупости» (гл. «Об учении»). Цзы-Чжэнь — о подмене: самоуверенность — не признак ума, а его заменитель. Тем опаснее, чем неотличимее.

39.

Дети не имеют свободы. Они ограничены и понуждаемы. Но они счастливы, потому что их любят. Взрослые имеют свободу выбора. Они сами управляют собой. Но нет несчастней людей, потому что живут в мире, где всё продаётся и покупается, в том числе и любовь. Счастье состоит в том, чтобы быть любимым и наслаждаться жизнью несмотря ни на какие стеснённые условия.

Лао-цзы говорил: «Можешь ли, концентрируя дух, быть как младенец?» («Дао дэ цзин», 10). Хань Фэй-цзы учил, что людьми движет выгода (гл. «Пять вредителей»). Чжуан-цзы добавлял: «Дети счастливы не потому что свободны, а потому что любимы; взрослые несчастны не потому что несвободны, а потому что одиноки» (гл. VI). Цзы-Чжэнь — о парадоксе: дети несвободны — и счастливы; взрослые свободны — и несчастны. «Всё продаётся и покупается» — близко к Хань Фэй-цзы. Свобода без любви — не свобода, а одиночество.

40.

Тот, кто приносит страдание, — тот приносит зло.

Конфуций говорил: «Не делай другим того, чего не желаешь себе» («Лунь юй», XII.2). Мо-цзы учил: «Взаимная польза — вот мерило; если действие приносит вред — оно несправедливо, независимо от намерения» (гл. «Взаимная любовь»). Лао-цзы добавлял: «Мудрец творит добро и не ждёт ответа; но тот, кто приносит страдание, — не мудрец, а враг жизни» («Дао дэ цзин», 49). Цзы-Чжэнь — о критерии: зло измеряется не намерением, а страданием, которое оно причиняет. Мерило зла — не принцип, а боль.

41.

Не позволяй мелочности завладеть твоим сердцем.

Конфуций говорил: «Сдерживать себя и возвращаться к ритуалу» («Лунь юй», XII.1). Чжуан-цзы советовал: «Не трать сердце на пустяки; мелочность разъедает душу, как ржавчина — железо; кто однажды позволил мелочности войти, уже не выгонит её» (гл. III). Лао-цзы добавлял: «Закрой отверстия, запри двери — и ничто чужое не войдёт» («Дао дэ цзин», 56). Цзы-Чжэнь — о защите: мелочность — не свойство, а захватчик, и сердце нужно охранять.

42.

Когда пьёшь чай в беседке и слышишь, как капает дождь по листве, тогда начинаешь постигать истинный смысл бытия.

Лао-цзы говорил: «Постижение постоянства — вот просветление» («Дао дэ цзин», 16) и «пусть люди наслаждаются простой пищей» («Дао дэ цзин», 80). Бай Цзюйи писал: «Тихо сижу у окна, слушаю дождь — и целый мир уместается в чашке». Гэ Хун в «Баопу-цзы» учил: «Монах находит удовольствие не в избытке, а в простоте; простота — не лишение, а чистота; в чашке чая и звуке дождя — больше Дао, чем в тысяче книг». Цзы-Чжэнь — о бытовом постижении: бытие познаётся не в абстракции, а в простом действии.

43.

Мудрость стоит на трёх фундаментах: наблюдение, размышление, действие — убери один фундамент, и дом обрушится. Слова станут пошлыми и высокопарными, а поступки — ничтожными и нерезультативными.

Конфуций говорил: «Учиться, не размышляя, — пустая трата; размышлять, не учась, — опасно» («Лунь юй», II.15). Сюнь-цзы учил: «Учиться — значит выпрямлять себя; но учение без действия — как карта без пути» (гл. «Об учении»). Ван Янмин сформулирует: «Знание

— начало действия; действие — завершение знания; без действия знание — пустое; три фундамента — потому что без действия два других — руина». Цзы-Чжэнь предвосхищает: три фундамента — наблюдение, размышление, действие. Убери один — дом рухнет. Слова без наблюдения — пошлость; поступки без размышления — ничтожность.

44.

Даже если тебя обидели, не позволяй мелочности завладеть твоим сердцем. Даже если тебя предали, не теряй веры в любовь.

Конфуций говорил: «Не держи зла за прошлые поступки» («Лунь юй», V.21). Мэн-цзы учил: «Благородный муж хранит сердце, даже когда другие не хранят» (II. A.6). Чжан Цзай скажет: «Даже если другие отвернутся — я не отвернусь от них, потому что все — мои родные» («Западная надпись»). Чжуан-цзы добавлял: «Обида — цепь, которую человек сам надевает на себя; предательство — удар, который можно встретить стоя, а можно — упав; вера в любовь — не наивность, а выбор не падать» (гл. VI). Цзы-Чжэнь — о выживании: вера в любовь — не философия, а условие, без которого доброта гибнет.

45.

Спасаться от дождя под деревом, смотреть издали на пирушку, идти по сельской дороге вдали от городского шума — вот способ найти в себе умиротворение и покой.

Лао-цзы говорил: «Пустота — великий закон; в пустоте — покой» («Дао дэ цзин», 16). Чжуан-цзы описывал отшельника, который находит покой не в уходе, а в простых вещах (гл. VI). Бай Цзюйи писал: «Лучшая беседа — та, что в сердце; лучший дождь — тот, что в душе; покой — не место, а действие». «Хуайнань-цзы» добавляла: «Покой — не отсутствие мира, а присутствие себя в мире; кто нашёл себя — нашёл покой везде». Цзы-Чжэнь — ближе к Чжуан-цзы: покой — не место, а действие. Три простых действия — три способа найти.

46.

Прожить долгое время вдали от дома, а потом вернуться — всё равно что попасть на чужбину.

Конфуций говорил: «Добродетель не одинока — у неё обязательно есть соседи» («Лунь юй», IV.2). Но Конфуций — о притяжении, а Цзы-Чжэнь — об отчуждении: возвращение — не приход, а уход в другую сторону. «Шицзин» полон мотивов тоски по родине. Чжуан-цзы замечал: «Человек ищет на стороне то, что оставил дома; он обходит мир, чтобы найти себя — и, вернувшись, не узнаёт ни места, ни себя» (гл. II). Цзы-Чжэнь развивает: не место изменилось — изменился ты, и потому родное стало чужим.

47.

Не говори, что сахар сладкий, пока не попробовал вкус мёда.

Конфуций говорил: «Знать, что знаешь, и знать, чего не знаешь, — вот истинное знание» («Лунь юй», II.17). Сюнь-цзы добавлял: «Знать — значит пробовать; кто не пробовал, тот не знает, даже если думает, что знает» (гл. «Об учении»). Чжуан-цзы иронизировал: «Лягушка

в колодце уверена, что вода — только в колодце; она не пробовала моря, но говорит о море» (гл. XVII). Цзы-Чжэнь — о качестве: не сравнивай, пока не попробовал лучшее. Сахар сладкий — только до мёда.

48.

Если ты теряешь жену в молодости, здоровье — к зрелости, деньги — к старости, то твоё учение не пошло впрок. Это образец глупой жизни, которая прошла как вода сквозь песок.

Конфуций говорил: «Учиться и не уставать» («Лунь юй», VII.2). Но Конфуций — об учёбе как радости, а Цзы-Чжэнь — об учёбе как защите: если учение не сохранило то, что важно, — оно впустую. Ван Янмин скажет: «Учение, не изменившее жизнь, — не учение». Гэ Хун в «Баопу-цзы» учил: «Тело гибнет от избытка, а не от недостатка; кто не сберёт — потерял всё; учение, которое не сберегло, — пустое». Цзы-Чжэнь предвосхищает: учение измеряется не объёмом, а сохранённым. «Вода сквозь песок» — образ, близкий к «Дао дэ цзин», 8: «вода — высшая добродетель» — но у Лао-цзы вода сохраняет, а у Цзы-Чжэня — утекает.

49.

Пока ты не знаешь, как себя вести, — лучше молчи.

Лао-цзы говорил: «Знающий не говорит; говорящий не знает» («Дао дэ цзин», 56). Конфуций учил: «Сначала делай, потом говори» («Лунь юй», II.13). Сюнь-цзы добавлял: «Молчание — не отсутствие знания, а защита от незнания; кто говорит, не зная, — хуже молчащего» (гл. «Об учении»). «Хуайнань-цзы» учила: «Молчание — не пустота, а полнота; кто молчит, тот наполняется; кто говорит, не зная, тот проливается». Цзы-Чжэнь — о прагматике: молчание — не признак знания, а защита от незнания.

50.

Вкус нового блюда только сытый оценит.

Лао-цзы говорил: «Знать достаток — значит быть богатым» («Дао дэ цзин», 33). Бай Цзюйи писал: «Голодный ест, чтобы насытиться; сытый — чтобы оценить; голодный не чувствует вкуса, он чувствует голод». Чжуан-цзы добавлял: «Только тот, кто не нуждается, способен ценить; нуждающийся — поглощает» (гл. II). Цзы-Чжэнь — о парадоксе восприимчивости: чтобы ценить новое, нужно не нуждаться в нём. Голод — враг вкуса.

51.

Хочешь узнать себя? Представь, что ты раздвоился. Рядом — твоя копия. Теперь подумай: захочет ли он тебя убить, чтобы занять твоё место, захочет ли он тебя сделать братом, чтобы отдать самое дорогое?

Лао-цзы говорил: «Познай других — мудрость; познай себя — просветление» («Дао дэ цзин», 33). Лу Цзююань скажет: «Сердце знает себя само; не нужно искать знание вовне». Чжуан-цзы замечал: «Мудрый видит себя в каждом зеркале; глупец видит только других» (гл. II). Цзы-Чжэнь предлагает метод, которого нет в дошедших текстах: раздвоение — мысленный эксперимент, через который человек видит свою истинную природу. Не искать знание вовне,

а поставить зеркало — и спросить: захочет ли копия тебя убить или сделать братом? Ответ — и есть ты.

52.

Тот, кто знает о вредной привычке, но следует ей, — слаб. Тот, кто знает об опасности, но ради выгоды рискует, — глуп. Ни того, ни другого невозможно вразумить, пока они не дойдут до предела. Пока первый не потеряет здоровье, а второй — голову.

Конфуций говорил: «Можно учить того, кто знает, что не знает» («Лунь юй», VII.3). Ван Янмин скажет: «Знать, что вредно, и продолжать — значит не знать; истинное знание — действие». Сюнь-цзы добавлял: «Знание без действия — не знание, а привычка; привычка сильнее знания, и вразумить нельзя, пока привычка не доведёт до предела» (гл. «О злой природе»). Цзы-Чжэнь предвосхищает Ван Ямина: знание без действия — не знание, а слабость. Вразумить слабого может только потеря. Слово — бесполезно, пока не грянет.

53.

Украсть и остаться безнаказанным хочет каждый — но только вор делает это. Уничтожить врага и насладиться местью хочет обиженный — но только один из ста осуществляет свою месть. Достичь большого богатства без риска мечтают все — но только единицы идут на риск и достигают его. Волков и шакалов много, а настоящие львы попадаются нечасто.

Конфуций говорил: «Я не видел, чтобы кто-то любил добродетель так, как красоту» («Лунь юй», IX.18). Хань Фэй-цзы учил: «Людьми движет выгода; многие хотят, но единицы делают; желание — общее, действие — редкое» (гл. «Пять вредителей»). «Хуайнань-цзы» добавляла: «Волки и шакалы собираются в стаи; лев — один; толпа хочет, единица делает». Цзы-Чжэнь — о статистике: желание — общее, действие — редкое. Львы — не те, кто хочет, а те, кто делает.

54.

Низкий человек будет злорадствовать твоей беде. Мудрый даст совет. Доблестный муж поможет делом.

Трёхступенчатая градация: низкий — мудрый — доблестный. Конфуций говорил: «Благородный муж помогает людям в добрых делах» («Лунь юй», XII.24). Мэн-цзы учил: «У всех есть сердце, не переносящее страданий других; но не все действуют — одни злорадствуют, другие советуют, третьи — помогают» (II. A.6). Чжан Цзай скажет: «Низкий радуется чужой беде, потому что она поднимает его; мудрый советует, потому что знает; доблестный помогает, потому что не может иначе» («Западная надпись»). Цзы-Чжэнь — о трёх реакциях: злорадство, совет, дело. Доблестный — не тот, кто знает, а тот, кто делает.

55.

У собаки учись верности хозяину. У матери учись любви к ребёнку. У мудреца учись правильному пути.

Конфуций говорил: «Среди троих идущих обязательно есть мой учитель» («Лунь юй», VII.22). Но Конфуций — о людях, а Цзы-Чжэнь — о трёх учителях разной природы: животное, мать, мудрец. Чжан Цзай скажет: «Вся вселенная — моя семья; учиться можно у всего сущего». Чжуан-цзы добавлял: «Мудрый учится у всего: у дерева — прямо́те, у воды — гибкости, у камня — твёрдости» (гл. II). Цзы-Чжэнь конкретнее: три учителя — три уровня: инстинкт (собака), чувство (мать), разум (мудрец).

56.

У одного палец заболел — об этом весь мир узнал. У другого сердце вырвали — кроме него никто не знает.

Бай Цзюйи писал: «Тихое горе — глубже громкого плача; кто кричит — хочет, чтобы услышали; кто молчит — знает, что не услышат». Лао-цзы говорил: «Высшая добродетель подобна долине; великий квадрат не имеет углов» («Дао дэ цзин», 41). Чжуан-цзы добавлял: «Малая боль — громкая, потому что ищет сочувствия; великая — немая, потому что сочувствие не поможет» (гл. VI). Цзы-Чжэнь — о немоте страдания: чем больше боль, тем меньше её замечают.

57.

У людей нет сомнения в том, что выгодно быть негодяем. У людей есть сомнения в том — нужно ли быть честным.

Конфуций говорил: «Благородный муж знает долг; низкий знает выгоду» («Лунь юй», IV.16). Хань Фэй-цзы учил: «Людьми движет выгода, а не добродетель; выгода бесспорна, честность — сомнительна» (гл. «Пять вредителей»). Шэнь Дао добавлял: «Власть и выгода — единственные мотивы; долг — удобная маска для тех, у кого нет власти». Цзы-Чжэнь — о парадоксе: выгода бесспорна, честность — сомнительна. Это не осуждение, а диагноз общества, в котором зло — норма, а добро — отклонение.

58.

Играя в кости, не надо желать ни победы, ни награды. Надо наслаждаться самой игрой. Живя в хижине, не надо корить себя за бедность и завидовать соседу, у которого дом с высокой крышей. Надо помнить, что дом — это всего лишь песок и камень, дерево и глина. Быть довольным малым и владеть им словно владеешь большим. Возвести стены перед неприятностями и повелевать чувствами, словно король подданными — вот свойства мудреца. Вот способ жить правильно.

Лао-цзы говорил: «Знать достаток — значит быть богатым; знать меру — не познать позора» («Дао дэ цзин», 44). «Хуайнань-цзы» учила: «Повелевать чувствами — не значит подавлять; значит — направлять; кто направляет, тот — король, кто подавляет — тиран». Бай Цзюйи писал: «Тысяча блюд — обжорство; одно — вкус; счастье — не в количестве, а в выборе». Цзы-Чжэнь — о практике: три образа — игра, хижина, стены — три способа найти довольство. «Повелевать чувствами, словно король подданными» — конфуцианская твёрдость в даосской рамке.

59.

Кто довольствуется малым, тот откажется от лишнего, даже если ему принесут мешок золота или предложат стать царём. Но кто, кроме доблестного мужа, сможет это сделать? Никто. Вот почему его качества выше облаков и чище родниковой воды.

Лао-цзы говорил: «Знать достаток — значит быть богатым» («Дао дэ цзин», 33). Гэ Хун в «Баопу-цзы» учил: «Довольство — корень долголетия; кто откажется от золота и трона, тот — не глупец, а мудрец; но мудрецов — единицы». Чжуан-цзы описывал совершенного человека, который «питается ветром и росой и странствует за пределами пыли» (гл. I). Цзы-Чжэнь — о редкости: довольствоваться малым может только доблестный. Не потому что другие не хотят, а потому что не могут.

60.

Не обманывать даже обманщика, давать, не рассчитывая на благодарность, помогать, даже теряя имущество, — вот путь, которым идёт доблестный муж в мирских делах.

Конфуций говорил: «Не делай другим того, чего не желаешь себе» («Лунь юй», XII.2). Лао-цзы учил: «Мудрец творит добро и не ждёт ответа; он выращивает, но не присваивает; он действует, но не хвалится» («Дао дэ цзин», 2). Ван Янмин скажет: «Истинная добродетель — действовать правильно, даже когда все вокруг действуют неправильно; не обманывать обманщика — не наивность, а верность себе». Цзы-Чжэнь предвосхищает: добродетель выше взаимности. Не обманывать обманщика, давать без расчёта, помогать с ущербом — три превышения.

61.

Доблестный муж следует наставлениям, придерживается правил. Он сверяет свою жизнь с жизнью древних. Он не ищет славы и не стремится к богатству. Он идёт по начертанному пути твёрдо и без сомнений, оставляя соблазны и преодолевая препятствия.

Конфуций говорил: «Передаю, но не создаю; верю в древность и люблю её» («Лунь юй», VII.1). Хань Юй, возродитель конфуцианства IX века, боролся с упадком традиции и призывал: «Древние знали то, что мы забыли; кто не учится у них, обречён повторять их ошибки». Чэн И, неоконфуцианец XI века, добавит: «Принцип — неизменен; обстоятельства — преходящи; кто сверяет жизнь с древними, не теряет курса». Цзы-Чжэнь — на той же позиции: путь начертан, задача — пройти его, не сворачивая.

62.

Обыкновенному человеку дай наставление — он отвернётся и пойдёт стороной. Дай наставление монаху — он отчеканит его в сердце своём и будет следовать неотступно.

Конфуций говорил: «Можно учить того, кто знает, что не знает; нельзя учить того, кто не знает, что не знает» («Лунь юй», VII.3). Сюнь-цзы учил: «Учитель — зеркало; кто смотрит — учится, кто отворачивается — слепнет» (гл. «Об учении»). Гэ Хун в «Баопу-цзы» добавлял: «Обыкновенный слышит наставление и забывает; монах слышит и отчеканит в сердце; разница не в наставлении, а в сердце». Цзы-Чжэнь — о двух типах: обыкновенный — отвернётся, монах — отчеканит. «Отчеканит в сердце» — образ резца по нефриту.

63.

Люди не хотят идти путём Конфуция не потому, что сомневаются в праведности пути, а потому, что не хотят избавляться от собственных пороков.

Конфуций говорил: «По природе люди близки; по привычкам далеки» («Лунь юй», XVII.2). Сюнь-цзы учил: «Природа человека зла; добро — результат усилия; но усилие требует отказа от пороков, а отказ — насилие над собой» (гл. «О злой природе»). «Люй-ши чуньцю» добавляла: «Не идут не потому что сомневаются, а потому что не хотят; нежелание — сильнее сомнения». Цзы-Чжэнь — конкретизирует: не идут не потому что сомневаются в праведности, а потому что не хотят меняться. Отказ от пороков — насилие над собой, на которое большинство не готово.

64.

Люди как актёры: разыгрывают роли друг перед другом. Доблестный муж не выражает притворную радость или печаль. Он таков, каков есть. На тризне он печален, если в сердце печаль. На пиру он весел, если в сердце веселье. Он живёт подлинными чувствами и не прячет их за маской.

Конфуций говорил: «Сдерживать себя и возвращаться к ритуалу» («Лунь юй», XII.1). Но Конфуций — о ритуале, а Цзы-Чжэнь — об искренности: ритуал без искренности — маска. «На тризне печален, на пиру весел» — близко к «Лунь юй», III.26: «Внутренняя скорбь — важнее внешних форм». Лу Цзююань скажет: «Искренность сердца — вот истинный ритуал; без искренности ритуал — пустая форма». Чжуан-цзы иронизировал: «Люди как актёры: надевают маску и забывают лицо; мудрый не играет — он есть» (гл. IV). Цзы-Чжэнь предвосхищает Лу Цзююаня: не отказ от ритуала, а его одухотворение. Ритуал без искренности — маска; ритуал с искренностью — подлинное чувство.

Глава вторая

НА Острие меча

1.

Временным обладать как вечным. Настоящим жить — как будто нет ни прошлого, ни будущего. Быть честным даже с обманщиком. Вот правила мудрого.

Лао-цзы прямо говорит: «Кто много накапливает, тот многое потеряет» («Дао дэ цзин», 44), подчёркивая тщетность цепляться за временное. Конфуций добавляет практический взгляд: «Благородный муж держит слово и верен долгу» («Лунь юй», XIV.23) — именно поэтому он честен даже с обманщиком: его честность не зависит от чужой порядочности. Чжуан-цзы же раскрывает парадокс присутствия: «Мудрый не оглядывается на прошлое и не строит планов на будущее; он живёт в потоке» (гл. XVII), не привязываясь и не теряя осознанности. Цзы-Чжэнь соединяет эти линии: владеть временным — значит ценить без привязанности, жить настоящим — без забвения ответственности, быть честным — как внутреннюю норму.

2.

Если бы простые истины так легко входили в сердце человека, то он бы никогда не искал бы мудрости.

Конфуций замечает: «Я не встречал того, кто, заметив свою ошибку, не захотел бы её исправить» («Лунь юй», V.27) — это о том, что даже очевидное не становится действием. Сюнь-цзы формулирует жёстче: «Человек по природе склонен к заблуждениям; учение — это выпрямление себя» (гл. «Об учении»). Чжуан-цзы добавляет образ: «Рыба не знает, что она в воде, пока не окажется на суше» (гл. XXII) — так и человек не замечает своих искажений, пока не столкнётся с границей. Цзы-Чжэнь делает из этого вывод: истина проста, но её трудно вместить, потому что она требует внутреннего сдвига, а не только понимания.

3.

Умение вести спор — безусловно, большое искусство, но куда большее умение — его избежать.

Лао-цзы учит: «Знающий не спорит, спорящий не знает» («Дао дэ цзин», 81). Конфуций даёт норму поведения: «Благородный муж вежлив в разногласиях и сдержан в суждениях» («Лунь юй», XV.22). Гуй-гу-цзы, мастер стратегии, говорит: «Лучший удар — тот, который не понадобился; лучший спор — тот, которого не было». Цзы-Чжэнь ставит избегание спора выше искусства спора: не потому что боится конфликта, а потому что видит в нём пустую трату силы.

4.

Первое, чему учится человек, — это скрывать свои мысли. Если их легко узнать, то про него можно сказать: вот человек, у которого глупость написана на лбу.

Лао-цзы предупреждает: «Выставляющий себя не сияет; оправдывающий себя не убедителен» («Дао дэ цзин», 24). Хань Фэй-цзы объясняет прагматику: «Правитель должен скрывать намерения, чтобы подданные не играли на них» (гл. «О власти и законе»). Чжуан-цзы даёт образ: «Мудрец прячет себя в безымянном и остаётся в тени» (гл. IV). Цзы-Чжэнь переносит это на обычного человека: умение не выставлять мысли напоказ — не хитрость, а базовая защита от манипуляций.

5.

Что значит знание? Знание есть выбор пути. Оно может быть хорошее, может быть плохое. И то и другое в душе человека. Он выбирает то, которое соответствует его сущности. Вот почему добрый следует дорогой праведников, а злой — дорогой преступников.

Конфуций отмечает: «По природе люди близки; по привычкам далеки» («Лунь юй», XVII.2). Мэн-цзы настаивает: «В сердце каждого есть семена добра» (II. A.6). Сюнь-цзы возражает: «Природа человека зла; добро — результат воспитания» (гл. «О злой природе»). Цзы-Чжэнь объединяет: знание — это не нейтральная информация, а направление, и каждый выбирает путь, который подтверждает его склонности; поэтому добро и зло проявляются не в отсутствии выбора, а в его реализации.

6.

Хороший пловец может утонуть и в ручье, жаждущий цели переплывёт океан.

Чжуан-цзы рассказывает о пловце, который «не думает о воде, и потому не тонет» (гл. XIX): мастерство — в отсутствии самоуверенности. Лао-цзы напоминает: «Мягкое и слабое побеждает твёрдое и сильное» («Дао дэ цзин», 36). Сунь-цзы в «Искусстве войны» добавляет: «Победа — в готовности принять риск там, где другие его не видят» (гл. XI). Цзы-Чжэнь противопоставляет: навык без осторожности — опасен, а решимость, даже без навыка, способна преодолеть огромные препятствия.

7.

Что значит быть умным? Это значит действовать, а не спать. Это значит не показывать свой ум. Это значит признавать ошибки, чтобы исправить их. Но как узнать, спишь ты или нет? Но как не показывать ум, когда переходишь пути других? Но как исправлять ошибки, если каждый день их повторяешь снова?

Конфуций говорит: «Знать, что знаешь, и знать, чего не знаешь — вот истинное знание» («Лунь юй», II.17). Ван Янмин позже сформулирует: «Знание и действие — едины; знать, но не действовать — не знать». Чжуан-цзы замечает: «Мудрец не хвалится, потому что его сила — в отсутствии хвастовства» (гл. XIII). Цзы-Чжэнь оставляет вопросы открытыми, чтобы подчеркнуть: ум — не в словах и не в демонстрации, а в способности действовать, молчать и учиться на ошибках.

8.

Когда живёшь среди говорящих вещей, невольно задумываешься о совершенстве, которое воплотила природа в них, и ещё больше удивляешься тому, почему природа до конца не завершила свой проект?

Лао-цзы говорит: «Дао рождает, дэ взращивает, вещи формируются, силы завершают» («Дао дэ цзин», 51). Чжуан-цзы отвечает на парадокс незавершённости: «Совершенство — в несовершенстве; полнота — в пустоте» (гл. II). Гэ Хун в «Баопу-цзы» добавляет: «Мудрец видит в трещинах узор, а в пустоте — возможность». Цзы-Чжэнь заостряет: природа не «недоделала», а оставила пространство для человеческого смысла — и в этом её замысел.

9.

Одной из высших добродетелей человека является способность не забывать тех, кто сделал добро, и не помнить тех, кто сделал зло. Эту добродетель так трудно исполнить, что никто не может ей следовать.

Конфуций советует: «Не держи зла за прошлые поступки» («Лунь юй», V.21). Мэн-цзы подчёркивает: «Сердце, не переносящее страданий других, есть у каждого» (II. А.6). «Люй-ши чунью» предупреждает: «Помнить добро — это долг; забыть зло — это труд». Цзы-Чжэнь признаёт: идеал недостижим, но стремление к нему — уже добродетель; человек не обязан быть совершенным, но обязан стремиться.

10.

Мужчины лучше помнят свои обязательства, потому что им приходится расплачиваться за них не только словами, но и жизнью.

Конфуций утверждает: «Верность и искренность — основа добродетели» («Лунь юй», IV.15). Хань Фэй-цзы раскрывает механизм: «Люди следуют правилам не из любви к ним, а из страха последствий» (гл. «Пять вредителей»). Сюнь-цзы добавляет: «Наказание исправляет, награда поощряет; без последствий нет дисциплины». Цзы-Чжэнь конкретизирует: память об обязательствах — не благородство, а инстинкт самосохранения, усиленный социальными нормами.

11.

Скромность — это достоинство, которое сразу бросается в глаза.

Лао-цзы замечает: «Не выставляй себя — и станешь замечен» («Дао дэ цзин», 22). Конфуций говорит о благородном муже: «Он скромен в словах и решителен в делах» («Лунь юй», XIV.44). Чжуан-цзы иронизирует: «Тот, кто кричит о своей скромности, уже потерял её» (гл. VIII). Цзы-Чжэнь фиксирует парадокс: скромность редка, поэтому она заметна; её ценность — в отсутствии стремления быть замеченной.

12.

Когда человек возвышается, когда унижает другого, когда на других смотрит как на песок под ногами — тогда он не найдёт руки помощи в трудную минуту, не услышит утешительного слова и не найдёт выхода из тупика, в который его рано или поздно поставит жизнь.

Лао-цзы предупреждает: «Гордость предшествует падению» («Дао дэ цзин», 39). Конфуций учит: «Благородный муж требователен к себе, низкий — к другим» («Лунь юй», XV.21). «Хуайнань-цзы» напоминает: «Дерево, выросшее над лесом, первым встречает бурю». Цзы-Чжэнь связывает высокомерие с одиночеством: тот, кто отталкивает людей, лишает себя опоры, когда она понадобится.

13.

Рука тянется к запретному, губы — к сладострастному, сердце разрывается от страсти — это люди называют настоящей жизнью. Быть в покое и умиротворении, быть как пепел сгоревшего от удара молнии дерева — вот путь отшельника.

Лао-цзы предостерегает: «Пять цветов слепят, пять звуков оглушают, пять вкусов портят» («Дао дэ цзин», 12). Чжуан-цзы описывает путь отшельника: «Он уходит в горы, чтобы услышать тишину» (гл. I). Гэ Хун в «Баопу-цзы» говорит: «Огонь сжигает дерево до пепла, оставляя суть; так и страсти сжигают сердце, оставляя пустоту». Цзы-Чжэнь противопоставляет два понимания «настоящей жизни»: внешнее — в удовольствиях, внутреннее — в освобождении от них.

14.

Жить для других — значит быть их рабом. Жить для себя — значит быть изгоем. Нужно равновесие. Не забывая себя — жить для других.

Конфуций формулирует: «Не делай другим того, чего не желаешь себе» («Лунь юй», XII.2). «Хуайнань-цзы» учит: «Мудрый служит миру, но не теряет себя в служении». Мэн-цзы добавляет: «Сначала укрепи своё сердце, потом помогай другим» (VI. A.8). Цзы-Чжэнь предлагает меру: служение без самопожертвования, забота о других без утраты собственного достоинства.

15.

Но почему надо устраивать счастье других? Разве это сделает тебя счастливым? Ты потратишь жизнь и состояние ради других, которые о тебе даже не вспомнят. Но если ты не живёшь ради себя, то не найдёшь ни опоры в друзьях, ни любви любимой. Жить для тех, кто живёт для тебя, — вот что надо в жизни.

Ян Чжу говорит: «Жизнь дана человеку, чтобы жить; не жертвуй собой ради чужих целей» (гл. «Ян Чжу» в «Ле-цзы»). Конфуций отвечает: «Добродетель не одинока — у неё есть соседи» («Лунь юй», IV.2). Цзы-Чжэнь уточняет: соседями добродетели должны быть те, кто отвечает взаимностью; бескорыстие не должно быть слепым.

16.

Есть большая разница между понятиями «жить для других» и «жить для ближних». Первый будет несчастлив — второй счастлив.

Мэн-цзы утверждает: «Человечность начинается с любви к родным» (IV. А.27). Чжан Цзай добавляет: «Ближние — это те, кто делит с тобой небо и землю». Конфуций напоминает: «Сначала научись управлять семьёй, потом — государством» («Лунь юй», XIII.13). Цзы-Чжэнь различает: «другие» — абстрактны и неблагодарны, «ближние» — конкретны и взаимны; именно в этом разница между страданием и счастьем.

17.

Мы живём в мире непостоянных вещей и нереализованных возможностей. Как только появляются возможности, устойчивое рушится. Понимая это — поймёшь, почему так изменчивы люди.

Лао-цзы говорит: «Всё сущее изменяется; неизменным остаётся только Дао» («Дао дэ цзин», 16). «Хуайнань-цзы» замечает: «Вода принимает форму сосуда; человек принимает форму обстоятельств». Чжуан-цзы добавляет: «Ветер меняет русло реки; возможности меняют характер человека» (гл. VII). Цзы-Чжэнь связывает: возможности — это силы, которые разрушают устойчивость; изменчивость людей — не слабость, а реакция на поток событий.

18.

Не найдёшь человека, который скажет: я хочу учиться доброте. Не найдёшь человека, который скажет: я хочу учиться любить. Не найдёшь человека, который скажет: я хочу учиться хранить здоровье. Каждый считает себя большим знатоком доброты, любви, здоровья. Тупость и самоуверенность правят миром. Как не стать таким, как все?

Конфуций замечает: «Я не видел, чтобы кто-то любил добродетель так, как красоту» («Лунь юй», IX.18). «Люй-ши чунью» предупреждает: «Тот, кто уверен в своём знании, перестаёт учиться; тот, кто перестаёт учиться, начинает глупеть». Чжуан-цзы иронизирует: «Мудрец знает, что ничего не знает; глупец думает, что знает всё» (гл. III). Цзы-Чжэнь задаёт вопрос без ответа: как сохранить открытость в мире самоуверенности?

19.

Страсти — это неверные кони, которые сначала портят характер, а потом жизнь.

Гэ Хун в «Баопу-цзы» пишет: «Страсти — дикие кони; если не объездить их, они сбросят седока». Лао-цзы напоминает: «Держи в порядке свои чувства, чтобы не потерять ясность» («Дао дэ цзин», 55). Чжуан-цзы добавляет: «Конь, которого не укротили, топчет поле, на котором должен пахать». Цзы-Чжэнь усиливает образ: страсти не просто мешают, они последовательно разрушают сначала характер, потом судьбу.

20.

Знать своё будущее — вот от чего отворачиваются обыкновенные люди и вот что хотят знать просвещённые.

Конфуций говорит: «Знать судьбу — признак мудрости» («Лунь юй», II.4). Шао Юн учит: «Будущее — это узор, который можно прочесть, если видеть целое». Лао-цзы замечает: «Тот, кто смотрит вперёд, теряет настоящее» («Дао дэ цзин», 63). Цзы-Чжэнь противопоставляет: обычные боятся будущего, просвещённые ищут его, но знание будущего не освобождает, а обязывает.

21.

Чтобы оценить высоту горы, на неё надо взобраться. Чтобы оценить благородство доблестного мужа, его надо испытать в деле.

Конфуций говорит: «Смотрю, как человек действует» («Лунь юй», II.10). Мэн-цзы добавляет: «Небо испытывает человека, прежде чем поручить ему великое дело» (VI. A.15). Сюнь-цзы уточняет: «Учение без проверки — пустые слова». Цзы-Чжэнь настаивает: оценка требует усилия — и в отношении горы, и в отношении человека.

22.

История прошлого оживает не тогда, когда читаешь даты, а когда сидишь на могиле у чьих-то костей.

Конфуций говорит: «Передаю, но не создаю; верю в древность и люблю её» («Лунь юй», VII.1). «Шицзин» полон мотивов скорби у могил предков. Чжуан-цзы замечает: «Прошлое — не слова, а присутствие» (гл. XX). Цзы-Чжэнь противопоставляет абстрактное знание и личный опыт: история становится живой, когда ты чувствуешь её физически.

23.

Когда чистую воду смешиваешь с грязной, получаешь грязную. Когда неопытный человек попадает под влияние плохого, он становится таким же.

Мэн-цзы говорит: «Среда формирует человека, как вода формирует русло» (VI. A.6). «Хуайнань-цзы» предупреждает: «Рыба в мутной воде не знает, что вода мутная». Лао-цзы напоминает: «Будь как вода — чистой и принимающей» («Дао дэ цзин», 8). Цзы-Чжэнь делает вывод: неопытный не способен сопротивляться влиянию, поэтому защита — в выборе окружения.

24.

Даже коровы на природе превращаются в диких, а человек, отдалившись от мира, обретает Дао.

Чжуан-цзы описывает: «Отшельник уходит на гору и обретает свободу» (гл. I). Лао-цзы говорит: «Чем меньше желаний, тем ближе к Дао» («Дао дэ цзин», 48). Гэ Хун добавляет: «Одиночество — не наказание, а школа сердца». Цзы-Чжэнь парадоксально противопоставляет: для животного отдаление — одичание, для человека — просветление.

25.

Не чувствовать своё время — значит жить в темноте. Не понимать ограниченность круга — значит не заметить, как выйдешь из него. Умей чувствовать своё время и видеть границы круга.

Шао Юн учит: «Время —

Я

Вот теперь что надо, мне нравится. мы стали давать живое знание китайской философии в цитатах философов. Но почему ты остановился на 25 афоризме?.. Тебе не хватает памяти?.. Мне снова завести афоризмы второй главы?

Алиса

Да, именно — объём большой, и я не успела дочитать главу до конца. Продолжу с 26-го афоризма в том же формате — с живыми цитатами классиков.

26.

Один не видит дальше своего локтя — другой различает пасущуюся коосулю на вершине горы. Один читает возвышенные стихи в беседке под соснами — другой пьёт вино среди пьянчужек. Один проживает сотни жизней — другой не может прожить и одной. Их объединяет только одно — время.

Конфуций говорит: «Я не встречал того, кто любил бы добродетель так, как любит красоту» («Лунь юй», IX.18) — люди различаются по глубине восприятия. Чжуан-цзы добавляет: «Пустая чашка звенит громче полной; но только полная способна напоить» (гл. II). Шао Юн, философ XI века, учивший что время определяет всё, говорил: «Время — это ткань, на которой вышиты судьбы; у каждого свой узор, но нить — одна». Цзы-Чжэнь фиксирует парадокс: разница между людьми колоссальна, но время — общий знаменатель, и оно безразлично к качеству прожитой жизни.

27.

Пробуешь направить реку в русло — и не можешь: она влечёт за собой, прокладывая только ей ведомый путь. Как направить чувства в нужное направление? Быть выше обстоятельств — трудная задача. Легче покорить небо, чем покорить себя.

Лао-цзы говорит: «Высшая добродетель подобна воде; вода не спорит и занимает самое низкое место» («Дао дэ цзин», 8). Мэн-цзы учит: «Воду можно направить, но нельзя остановить; так и чувства — можно направлять, но не подавлять» (VI. А.6). Чжуан-цзы добавляет: «Попытка удержать воду руками — лишь иллюзия контроля» (гл. XIX). Цзы-Чжэнь усиливает: покорить себя — труднее, чем покорить небо, потому что небо — внешнее, а себя — внутреннее, и нет рычага, который не был бы частью того, что нужно сдвинуть.

28.

Чтобы быть по-настоящему счастливым, надо отгородиться от мира каменной стеной.

Лао-цзы говорит: «Закрой отверстия, запри двери, притупи острия — и будь подобен пыли» («Дао дэ цзин», 56). Чжуан-цзы описывает отшельника, который «отгородился от мира, но не от себя» (гл. I). Гэ Хун в «Баопу-цзы» пишет: «Мудрый строит стену не из камня, а из покоя; стена из камня разрушается, стена из покоя — нет». Цзы-Чжэнь уточняет: каменная стена — не от людей, а от мира, его суеты и соблазнов.

29.

Поселить в своём сердце демонов и желать после этого покоя — подобно тому, как искать покоя, бросившись в реку, бурлящую в теснине.

Гэ Хун в «Баопу-цзы» прямо описывает: «Три демона живут внутри человека: один вселяется через желания, второй — через гнев, третий — через гордыню; пока они внутри, покой недостижим». Лао-цзы говорит: «Пустота — великий закон; в пустоте — покой» («Дао дэ цзин», 16). Чжуан-цзы добавляет: «Нельзя очистить воду, тряся сосуд; остановись — и муть осядет сама» (гл. II). Цзы-Чжэнь доводит до образа: сердце с демонами — это бурлящая река; искать в ней покой — абсурд.

30.

Помогая другому, человек растёт. Но истинно помогает тот, кто готов отдать своё.

Конфуций говорит: «Благородный муж помогает людям в добрых делах» («Лунь юй», XII.24). Мэн-цзы учит: «У всех есть сердце, не переносящее страданий других» (II. A.6). Чжан Цзай, неоконфуцианец XI века, скажет: «Небо и Земля — мои родители; все люди — мои братья; кто отдаёт своё ради других, тот соединяется с Небом и Землёй» («Западная надпись»). Цзы-Чжэнь добавляет градиацию: помогать — растёт; отдавать своё — истинно помогает. Разница — в мере жертвы.

31.

Окружающий мир — это всегда зло. Вот почему отшельники стремились к уединению. А доблестные мужи оттачивали остриё меча знаний.

Лао-цзы говорит: «Когда утратили дао — появилась добродетель; когда утратили добродетель — появился ритуал» («Дао дэ цзин», 38). Чжуан-цзы описывает совершенного человека, который «не тонет в воде, не горит в огне» и уходит от мира (гл. I). Конфуций настаивает: «Среди людей — как среди людей» («Лунь юй», XIII.19). Цзы-Чжэнь предлагает третий путь: не уходить и не растворяться, а оставаться — с оружием. «Остриё меча знаний» — образ, не встречающийся в дошедших текстах, и составляющий оригинальность Цзы-Чжэня: знание как оружие против зла мира.

32.

Как только человек ставит себя выше других, он глупеет, перестаёт учиться и начинает считать себя великим учителем. Благородный муж не ставит себя выше других и не перестаёт учиться — вот почему он становится великим учителем.

Конфуций говорит: «Учиться и не уставать — разве не радость?» («Лунь юй», VII.2) и «среди троих идущих обязательно есть мой учитель» (VII.22). «Люй-ши чунью» предупреждает: «Тот, кто уверен в своём знании, перестаёт учиться; тот, кто перестаёт учиться, начинает глупеть». Чэн И, неоконфуцианец XI века, скажет: «Гордость — корень невежества; смирение — корень мудрости». Цзы-Чжэнь формулирует механизм: высота = глупость, смирение = рост. Парадокс: тот, кто считает себя учителем, перестаёт им быть.

33.

Пробивать стену руками, хватать птицу за хвост, идти по тропе между двумя пропастями — так достигаешь недоступных вершин, вызывая у людей удивление и восхищение.

Чжуан-цзы рассказывает о мяснике Дине, который «не режет, а ведёт нож по промежуткам между костями» — мастерство без усилия и риска (гл. III). Сунь-цзы учит: «Победа — в риске, который другие не осмелятся принять» (VIII.5). Лао-цзы предупреждает: «Кто хватается — теряет» («Дао дэ цзин», 29). Цзы-Чжэнь переворачивает Чжуан-цзы: у него мастерство — не в плавности, а в дерзости. Пробивать стену, хватать птицу, идти между пропастями — три образа риска, через которые достигается то, чего плавностью не достичь.

34.

Неважно, что ты достиг, — важно, что сейчас достигаешь. Путь и есть достижение, а цель — всего лишь ориентир.

Лао-цзы говорит: «Путь в тысячу ли начинается под ногой» («Дао дэ цзин», 64). Конфуций учит: «Учиться и не уставать» («Лунь юй», VII.2). Ван Янмин, мыслитель XVI века, сформулирует: «Действие — вот знание; путь — вот цель; кто ищет цель вне пути, теряет и то, и другое». Цзы-Чжэнь предвосхищает Ван Ямина: «цель — всего лишь ориентир» — формула, которая переворачивает привычную логику результата. Достижение — не точка, а движение.

35.

Правила благородного мужа недостижимы для обыкновенных людей. Он среди них как камень в бурлящей реке. Ничто не может сдвинуть его с места. Он знает свой путь и своё назначение.

Лао-цзы говорит: «Мягкое и слабое побеждает твёрдое и сильное» («Дао дэ цзин», 36) — но у Лао-цзы мягкое — вода. Конфуций настаивает: «Благородный муж твёрд, но не упрям» («Лунь юй», IX.29). Мэн-цзы добавляет: «Невозмутимость благородного мужа — не бесчувственность, а знание пути» (II. A.2). Цзы-Чжэнь противопоставляет Лао-цзы: камень не побеждает — он устоял. Его твёрдость — не в сопротивлении потоку, а в знании, зачем он здесь стоит.

36.

Незнающий думает, что завтра он найдёт лучшее, поэтому отбрасывает камешек, потеряв который можно увидеть блеск золота. Непонимающий считает, что знает свои цели, а в результате растерянно озирается, достигнув их. Мудрый безошибочно угадывает среди камешков золотой, а достигнув цели, обретает покой и умиротворение.

Конфуций говорит: «Знать, что знаешь, и знать, чего не знаешь, — вот истинное знание» («Лунь юй», II.17). Лао-цзы добавляет: «Мудрый не делает того, о чём сожалеет; он хватается без жадности и отпускает без сожаления» («Дао дэ цзин», 64). Сюнь-цзы учит: «Тот, кто не знает своих целей, подобен путнику без компаса; он идёт, но не приходит» (гл. «Об учении»). Цзы-Чжэнь выстраивает трёхступенчатую градацию: незнающий отбрасывает золото, непонимающий достигает — и не рад, мудрый — находит и покоится. Три отношения к цели — три судьбы.

37.

Иметь твёрдость в душе и невозмутимость настроения — это ценность. Но достижимо ли это? Для одного — это дар, для другого — тяжкий труд. Научись идти — к любой цели придёшь.

Конфуций говорит: «Благородный муж твёрд» («Лунь юй», IX.29). Мэн-цзы учит: «Вращать дух — тяжкий труд; не все его выдерживают. Но тот, кто взрастил его, становится непоколебимым» (II. A.2). «Хуайнань-цзы» замечает: «Одни рождаются с покоем, другие обретают его через усилие; результат — один, но цена — разная». Цзы-Чжэнь — между Мэн-цзы и «Хуайнань-цзы»: дар или труд — неважно; важно — идти.

38.

Быть довольным своей судьбой может только мудрец. Простой смертный не в состоянии обрести равновесие и оставить желания. Он не может, но и не хочет. Так зачем же он жалуется на судьбу?

Конфуций говорит: «Знать судьбу — признак мудрости» («Лунь юй», II.4). Лао-цзы добавляет: «Знать достаток — значит быть богатым; не знать достаток — значит быть бедным при сокровищах» («Дао дэ цзин», 33). Чжуан-цзы иронизирует: «Человек жалуется на судьбу, но не отказывается от желаний, которые её творят; он проклинает реку, в которую сам прыгнул» (гл. II). Цзы-Чжэнь заостряет: жалуется тот, кто не может и не хочет — и в этом — двойной парадокс.

39.

Большинство живёт так, словно раньше не жили люди. Слово мир начался с их рождения. Они не хотят знать прошлого и затыкают уши, когда их хотят чему-либо научить. Лишь прожив жизнь, они начинают понимать, что и до них жили люди, и до них они совершали те же ошибки, которые можно было избежать. Надо уметь открыть уши и внимать с уважением мудрости прошлого.

Конфуций говорит: «Передаю, но не создаю; верю в древность и люблю её» («Лунь юй», VII.1). Хань Юй, возродитель конфуцианства IX века, писал: «Древние знали то, что мы забыли; кто не учится у них, обречён повторять их ошибки». Сюнь-цзы добавляет: «Учиться у древних — не подражать им, а понять принцип; кто не понимает, обречён блуждать» (гл. «Обучении»). Цзы-Чжэнь — с горечью: большинство прозревает только в конце, когда учиться уже некогда.

40.

Люди стремятся к цивилизации, а надо стремиться к древности. Они хотят потреблять, а надо учиться ограничивать. Они хотят жить, а сами умирают.

Лао-цзы говорит: «Древние знали дао — и не выставляли себя; ныне забыли дао — и хвастают добродетелью» («Дао дэ цзин», 15). Гэ Хун в «Баопу-цзы» пишет: «Тело гибнет от избытка, а не от недостатка; кто ест в меру — живёт долго; кто объедается — умирает рано».

Чжуан-цзы добавляет: «Цивилизация — это клетка, в которой человек сам запер себя и назвал это прогрессом» (гл. IX). Цзы-Чжэнь — тройная антитеза: цивилизация против древности, потребление против ограничения, жизнь против смерти. Каждое «хотят» оборачивается своей противоположностью.

41.

Если бы человек знал своё будущее, он бы не жил так самоуверенно.

Шао Юн, философ XI века, говорил: «Будущее — это настоящее, увиденное из другого конца; кто видит конец, не живёт беспечно». Конфуций учит: «Знать судьбу — признак мудрости» («Лунь юй», II.4). Лао-цзы добавляет: «Кто знает, что будет завтра, тот знает, что нужно делать сегодня» («Дао дэ цзин», 64). Цзы-Чжэнь — о том, что знание будущего — не дар, а разрушитель иллюзий: самоуверенность держится на неведении.

42.

Хороший день начинается с размышлений, а заканчивается хорошими делами.

Конфуций говорит: «Учиться, не размышляя, — пустая трата; размышлять, не учась, — опасно» («Лунь юй», II.15). Ван Янмин сформулирует: «Знание — начало действия; действие — завершение знания; без действия знание — пустое». Сюнь-цзы учит: «Слышать — не значит знать; знать — не значит делать; делать — вот знание» (гл. «Об учении»). Цзы-Чжэнь сжимает: утро — знание, вечер — действие. Один день — полный цикл мудрости.

43.

Сойти с пути, по которому тебя в шею толкает судьба. Поднять голову к солнцу, когда она всегда опущена к земле. Разорвать путы, которыми связаны руки и ноги. Это мужественное решение доблестного мужа, волей судеб оказавшегося заложником обстоятельств.

Конфуций говорит: «Услышав о правильном пути — иди по нему, даже если впереди гибель» («Лунь юй», VIII.13). Мэн-цзы учит: «Судьбу можно встретить стоя, а не на коленях» (II. A.2). Чжуан-цзы добавляет: «Птица в клетке не теряет желания летать; человек в обстоятельствах не теряет свободы выбора» (гл. IV). Цзы-Чжэнь предвосхищает: судьба толкает — но можно сойти. «Поднять голову к солнцу» — образ, которого нет у классиков: у них путь — горизонтален, а у Цзы-Чжэня — вертикален.

44.

Не завидуй учителю, иначе у тебя не будет времени учиться у него.

Конфуций говорит: «Среди троих идущих обязательно есть мой учитель» («Лунь юй», VII.22). Сюнь-цзы учит: «Учитель — зеркало; завидовать зеркалу — глупо; смотреть в него — разумно» (гл. «Об учении»). Чэн Хао, неоконфуцианец XI века, добавит: «Зависть к учителю — это желание его места, а не его мудрости; кто желает место, теряет и то, и другое». Цзы-Чжэнь — краток: зависть съедает время, а время — единственный ресурс ученика.

45.

Злодей всегда борется за своё доброе имя.

Хань Фэй-цзы учит: «Обманщики стремятся казаться честными, потому что честность — это власть; имя ценнее дела» (гл. «Пять вредителей»). Лао-цзы говорит: «Истинное имя не ищется; кто ищет имя, теряет суть» («Дао дэ цзин», 32). Чжуан-цзы иронизирует: «Вор крадёт, чтобы его называли честным; злодей убивает, чтобы его называли справедливым» (гл. X). Цзы-Чжэнь — острее: злодей не отрицает добро — он присваивает его. Имя — не мораль, а инструмент.

46.

Доброе дело, сделанное по необходимости, тем не менее остаётся добрым делом.

Мо-цзы учит: «Взаимная польза — вот мерило справедливости; если действие приносит пользу — оно правильно, независимо от мотива» (гл. «Взаимная любовь»). Конфуций говорит: «Сдерживать себя и возвращаться к ритуалу» («Лунь юй», XII.1) — Конфуций требует внутреннего усилия. Цзы-Чжэнь ближе к Мо-цзы: результат важнее намерения. Добро — не теряет качества от вынужденности, потому что тому, кому помогли, всё равно, почему помогли.

47.

Человек живёт для себя, но когда он делает добро, он живёт для других.

Ян Чжу учит: «Жизнь дана человеку, чтобы жить; не жертвуй собой ради чужих целей» (гл. «Ян Чжу» в «Ле-цзы»). Лао-цзы говорит: «Мудрец не имеет постоянного сердца — берёт сердце народа как своё» («Дао дэ цзин», 49). Конфуций добавляет: «Благородный муж помогает людям в добрых делах» («Лунь юй», XII.24). Цзы-Чжэнь примиряет Ян Чжу и Конфуция: жить для себя — основа, делать добро — следствие. Это не противоречие, а последовательность: только тот, кто живёт для себя, может по-настоящему жить для других.

48.

Стоит ли поддерживать свою репутацию среди злодеев и преступников? Стоит ли придавать значение мнению людей, если они не осуждают зло?

Лао-цзы говорит: «Я один отличаюсь от других — потому что питаюсь от матери» («Дао дэ цзин», 20). Конфуций учит: «Благородный муж знает долг; низкий знает выгоду» («Лунь юй», IV.16). Хань Фэй-цзы добавляет: «Мнение большинства — не мерило истины; мерило — закон и сила» (гл. «Об искусстве управления»). Цзы-Чжэнь заостряет: чьё мнение имеет значение? Если люди не осуждают зло, их мнение — не критерий, а шум.

49.

Быть ничтожным или благородным. Между этим — пропасть. Но где лежит путь? Можно ли построить воздушный мост и по нему пройти? Можно — если взять в сердце правила и неотступно следовать им.

Конфуций говорит: «Благородный муж следует середине» («Лунь юй», VI.27). Чэн И, неоконфуцианец XI века, учит: «Правило — это мост между природой и действием; без правила природа остаётся неиспользованной». Лао-цзы добавляет: «Кто держится правила, не теряет пути» («Дао дэ цзин», 65). Цзы-Чжэнь предвосхищает Чэн И: «воздушный мост» — это правила, по которым идёшь через пропасть. Не wings, не прыжок — а шаг за шагом.

50.

Человек мстителен, когда обладает властью.

Хань Фэй-цзы учит: «Власть развращает даже доброго; тот, кто не имел возможности мстить, мстит, когда получает её» (гл. «Пять вредителей»). Лао-цзы говорит: «Оружие — инструмент несчастья; благородный муж не стремится к нему» («Дао дэ цзин», 31). Чжуан-цзы добавляет: «Тигр, получивший когти, не становится милосерднее» (гл. IV). Цзы-Чжэнь формулирует короче: власть + обида = месть. Не власть развращает, а власть даёт средство для того, что уже было внутри.

51.

Будь проклято то богатство, которое ведёт к могиле.

Лао-цзы говорит: «Знать меру — не познать позора; знать предел — не знать опасности» («Дао дэ цзин», 44). Гэ Хун в «Баопу-цзы» пишет: «Жадность — корень смерти; довольство — корень долголетия; кто копит больше, чем нужно, копит свою гибель». Чжуан-цзы добавляет: «Богатство — это телега, в которую запрягли тебя вместо коня; ты везёшь его, а оно везёт тебя в могилу» (гл. IX). Цзы-Чжэнь предвосхищает Гэ Хуна: богатство, ведущее к могиле, — не богатство, а проклятие.

52.

Испытывая горечь разочарования в друзьях, получая несправедливость в ответ на добро, теряя приобретённое от рук ловкого обманщика, — трудно остаться добрым. Быть добрым трудно — но если ты хочешь остаться им, надо научиться прощать обиды, которые нанесли несправедливо.

Конфуций говорит: «Не держи зла за прошлые поступки» («Лунь юй», V.21). Мэн-цзы учит: «Благородный муж отличается от обыкновенного тем, что хранит сердце даже когда другие не хранят» (II. A.6). Чжан Цзай скажет: «Даже если другие отвернутся — я не отвернусь, потому что все люди — мои родные» («Западная надпись»). Цзы-Чжэнь предвосхищает: хранить — значит прощать, а прощать — не забывать, а не разрушаться. Это не слабость, а усилие, без которого доброта гибнет.

53.

Сохранять верность несложно, когда встречаешь менее достойное. Настоящая верность не в этом, а в том, чтобы оставаться верным, когда встречаешь лучше.

Конфуций говорит: «Верность и искренность — основа» («Лунь юй», IV.15). Мэн-цзы добавляет: «Верность, которая держится отсутствием выбора, — не верность, а удобство» (IV.

А.24). Чжуан-цзы замечает: «Преданность проверяется не в беде, а в изобилии; в беде все верны, потому что некуда идти» (гл. VI). Цзы-Чжэнь заостряет: настоящая верность проверяется не худшим, а лучшим — искушением, а не лишением.

54.

Неразумному трудно отказаться от соблазна — знающий не будет церемониться и откажет. Всякое искушение — это испытание человека. Лучше отвергнуть искушение, чем однажды горько раскаяться.

Лао-цзы говорит: «Не входи в опасное место; кто входит — рискует жизнью» («Дао дэ цзин», 50). Гэ Хун в «Баопу-цзы» учит: «Кто избегает искушения, тот обретает долголетие; кто идёт навстречу — теряет». Сюнь-цзы добавляет: «Соблазн — это испытание, которое не нужно проходить; кто ищет испытаний — ищет гибели» (гл. «О злой природе»). Цзы-Чжэнь — острее: не избегает, а отбрасывает — активно. Знание — не пассивная защита, а действие.

55.

Путь доблестных мужей лежит среди голых скал и знойных равнин. Вдали от караванных путей и шумных городов. Цель его — посвящение и чистота. Он знает, что покорить небо можно лишь испытав лишения и горести.

Конфуций говорит: «Услышав о правильном пути — иди по нему, даже если впереди гибель» («Лунь юй», VIII.13). Мэн-цзы учит: «Небо, прежде чем поручить человеку великое дело, сначала испытывает его сердце горестями, изнуряет его тело голодом, подвергает его трудностям» (VI. А.15). Чжуан-цзы описывает отшельника, который «питается ветром и росой и странствует за пределами пыли» (гл. I). Цзы-Чжэнь синтезирует: путь — через лишения, цель — чистота. «Вдали от караванных путей» — образ, характерный для даосских текстов, но у Цзы-Чжэня это не уход, а путь.

56.

Отодвинуть от себя лучший кусок. Уступить жаждущему свой стакан. Не иметь в душе зависти и разочарования. Это труднее, чем совершить высокий подвиг.

Конфуций говорит: «Сдерживать себя и возвращаться к ритуалу» («Лунь юй», XII.1). Лао-цзы добавляет: «Великое начинается с малого; трудное начинается с лёгкого» («Дао дэ цзин», 63). Мэн-цзы учит: «Подвиг — мгновение; самовоспитание — вся жизнь; и второе труднее первого» (II. А.2). Цзы-Чжэнь — конкретнее: подвиг — вспышка, уступка — повседневность. Трудность не в великом, а в малом, потому что малое — каждый день.

57.

Осознав в себе дурное качество, доблестный муж опечалится — так рождается исток благородства. Осознав в себе дурное качество, обыкновенный человек отмахнётся — так рождается подлость.

Конфуций говорит: «Не допускай ошибок, которые не исправишь» («Лунь юй», I.8). Мэн-цзы учит: «У всех есть семена добра и зла; вопрос в том, какие взращивают» (II. А.6). Ван

Янмин сформулирует: «Осознать зло в себе — уже начало добра; кто не осознаёт, не может действовать; осознание и действие — одно». Цзы-Чжэнь предвосхищает Ван Ямина: печаль о своём зле — не слабость, а исток благородства; отмахивание — не легкомыслие, а рождение подлости.

58.

Льстивые речи, нужные связи, высокие заборы — человек думает, что это настоящая жизнь. Но это не жизнь. Это звук в пустом кувшине, это тлен, покрытый паутиной.

Лао-цзы говорит: «Пять цветов слепят глаза; пять тонов оглушают уши; пять вкусов портят рот» («Дао дэ цзин», 12). Хань Юй, возродитель конфуцианства IX века, боролся с подменной сути формой: «Когда форма заменяет суть, дух умирает; остаётся оболочка, которая гремит, как пустой кувшин». Чжуан-цзы добавляет: «Пустой кувшин гремит громче полного; но только полный может напоить жаждущего» (гл. II). Цзы-Чжэнь — острее: фальшивая жизнь — не жизнь, а шум. Тлен под паутиной — не метафора, а диагноз.

59.

Один выставляет напоказ мелкие дела — другой молчит, даже если совершил геройский поступок. Возвышаться в глазах других свойственно тщеславному. Скромный знает свой удел. Вот в чём разница между посредственным человеком и доблестным мужем.

Лао-цзы говорит: «Не выставляй себя — и станешь замечен; не оправдывайся — и проявишься» («Дао дэ цзин», 22). Конфуций учит: «Благородный муж требователен к себе; низкий — к другим» («Лунь юй», XV.21). Бай Цзюйи, поэт IX века, писал: «Тот, кто молчит о добре, громче всех говорящих; тот, кто кричит о добре, — пуст, как барабан». Цзы-Чжэнь конкретизирует: посредственный — показывает, доблестный — молчит. Скромность — не отсутствие амбиции, а знание своего места.

60.

Когда человек спит, его судьба превращается в рок.

Лао-цзы говорит: «Постижение постоянства — вот просветление; непостижение постоянства ведёт к беде» («Дао дэ цзин», 16). Шао Юн, философ XI века, учил: «Судьба — это узор, который можно читать; рок — узор, который уже прочитан; грань между ними — в бодрствовании». Чжуан-цзы добавляет: «Пока человек спит, он не выбирает сны; пока человек не осознаёт, он не выбирает судьбу» (гл. II). Цзы-Чжэнь предвосхищает Шао Юна: пока человек спит (не осознаёт), судьба — становится роком — необратимой. Бодрствование — единственная граница между тем, что можно изменить, и тем, что уже нельзя.

61.

Если бы не вежливость, то люди увидели бы полное равнодушие друг к другу.

Конфуций говорит: «Сдерживать себя и возвращаться к ритуалу» («Лунь юй», XII.1). Хань Фэй-цзы жёстко отмечает: «Ритуал — форма без содержания; люди соблюдают его не из любви, а из страха и выгоды» (гл. «Пять вредителей»). Чжуан-цзы иронизирует: «Когда

утратили дао, появился ритуал; ритуал — это маска, надетая на пустоту» (гл. VIII). Цзы-Чжэнь — между Конфуцием и Хань Фэй-цзы: вежливость — маска, но без маски — хуже. Без неё обнажится равнодушие, а равнодушие страшнее лицемерия.

62.

В начале жизненного пути человек отправляется искать счастья в чужие края, а в конце жизни возвращается домой на могилу своего счастья.

«Шицзин» полон мотивов ухода и возвращения: «Ушёл искать счастье — вернулся к могиле предков». Лао-цзы говорит: «Возвращение к истоку — вот покой» («Дао дэ цзин», 16). Чжуан-цзы замечает: «Человек ищет на стороне то, что оставил дома; он обходит мир, чтобы найти себя» (гл. II). Цзы-Чжэнь переворачивает Лао-цзы: возвращение — не покой, а могила. Счастье искали в чужих краях, а его могила — дома, где оно и было, но не было замечено.

63.

Даже самое красивое изречение останется пустым звуком, если не последуешь ему.

Конфуций говорит: «Сначала делай, потом говори» («Лунь юй», II.13). Ван Янмин сформулирует: «Знание без действия — не знание; изречение без действия — не мудрость, а звук». Сюнь-цзы учит: «Слышать — не значит знать; знать — не значит делать; делать — вот знание. Кто слышит и не делает, тот как человек, который смотрит на еду и не ест» (гл. «Об учении»). Цзы-Чжэнь предвосхищает Ван Ямина: изречение — не знание, а звук, если за ним нет действия. Красота слов — не аргумент.

64.

Сердца людей ожесточены и истерзаны. Они не знают, что такое добро, любовь, дружба. Как им помочь выйти из жестокого мира, который они создали? Никак. Даже ищущим трудно выйти из жестокого мира, а слепым это сделать невозможно.

Конфуций говорит: «Можно учить того, кто знает, что не знает; нельзя учить того, кто не знает, что не знает» («Лунь юй», VII.3). Мэн-цзы верил: «У всех есть сердце, не переносимое страданий других» (II. А.6). Лао-цзы добавляет: «Когда утратили дао — появилась добродетель; когда утратили добродетель — появился ритуал» («Дао дэ цзин», 38). Цзы-Чжэнь — пессимистичнее всех: сердце есть, но ожесточено. «Никак» — самое горькое слово в книге. Мэн-цзы верил в семена добра; Цзы-Чжэнь — в то, что семена могут сгореть.

65.

Люди ценят твою честность, потому что они не любят, когда их обманывают. Они восхищаются твоей смелостью, потому что ты сражаешься ради них. Они ценят твою любовь и заботу, потому что чувствуют твоё тепло. Но это не значит, что они ответят тебе тем же. Скорее наоборот. Поэтому не жди ничего взамен и не сходи с выбранного пути.

Лао-цзы говорит: «Мудрец творит добро и не ждёт ответа; он выращивает, но не присваивает; он действует, но не хвалится» («Дао дэ цзин», 2). Хань Фэй-цзы учит: «Люди следуют выгоде, а не добродетели; они ценят чужое добро, потому что оно им полезно, но не отвечают

тем же, потому что им невыгодно» (гл. «Пять вредителей»). Конфуций добавляет: «Благородный муж действует ради долга, а не ради награды» («Лунь юй», IV.16). Цзы-Чжэнь — между Лао-цзы и Хань Фэй-цзы: не жди — не потому что благородно, а потому что не ответят. Но — не сходи с пути: добро без ответа — не провал, а испытание.

66.

Одного взгляда достаточно, чтобы понять. Одного слова, чтобы разочароваться. Одного поступка, чтобы забыть. Если ты сможешь этого достичь, то не дашь увлечь себя глупыми надеждами, пустыми обещаниями и ложной любовью.

Гуй-гу-цзы, мастер стратегии, учит: «Один взгляд открывает больше, чем тысяча слов; тот, кто читает по взгляду, не нуждается в речах». Лао-цзы говорит: «Знающий не говорит; говорящий не знает» («Дао дэ цзин», 56). Чжуан-цзы добавляет: «Мудрый видит суть в первом жесте; глупец ждёт тысячи, чтобы поверить» (гл. XX). Цзы-Чжэнь выстраивает тройную шкалу: взгляд — понимание, слово — разочарование, поступок — забвение. Мгновенное распознавание — защита от иллюзий.

67.

Умение уклониться от ложной цели едва ли не большее искусство, чем поразить верную.

Сунь-цзы учит: «Знай, где не нужно сражаться, так же хорошо, как где нужно; тот, кто не знает, где не сражаться, никогда не победит» (VIII.3). Лао-цзы говорит: «Мудрый не делает того, о чём сожалеет; он хватает без жадности и отпускает без сожаления» («Дао дэ цзин», 64). Чжуан-цзы добавляет: «Ложная цель — страшнее врага, потому что её не видно; ты бьёшь воздух и истощаешь силы» (гл. II). Цзы-Чжэнь заостряет: уклонение — не слабость, а искусство. Ложная цель — коварнее врага, потому что ты сам её выбрал.

68.

Доблестный муж даст путнику пройти первым на узкой тропе, но это не значит, что он позволит кому-либо отнять свой меч.

Конфуций говорит: «Благородный муж уступает в ритуале, но не уступает в долге» («Лунь юй», VIII.4). Лао-цзы учит: «Мягкое и слабое побеждает твёрдое и сильное» («Дао дэ цзин», 36) — но Цзы-Чжэнь переворачивает: мягкое уступает, но твёрдое — нет. Мэн-цзы добавляет: «Благородный муж уступает в малом, но не в великом; в тропе — но не в мече» (II. A.2). «Меч» — символ сути, которую нельзя отдать: уступка в форме — не уступка в содержании.

69.

Человек в первую очередь высокого мнения о себе, а потом уже о других.

Лао-цзы говорит: «Самовлюблённый не просияет; самодовольный не будет признан; кто хвалится — не имеет заслуг» («Дао дэ цзин», 24). Сюнь-цзы учит: «Природа человека себялюбива; добродетель — результат усилия, а не природы» (гл. «О злой природе»). Чжуан-цзы замечает: «Человек смотрит на себя через увеличительное стекло, а на других — через умень-

шительное; неудивительно, что он кажется себе большим» (гл. II). Цзы-Чжэнь — не осуждает, а фиксирует: сначала — себя, потом — других. Это не порок, а факт, и мудрость — в его признании.

70.

Принципы благородного мужа чисты и непоколебимы. Он и ночью остаётся тем же, что днём. В трудных обстоятельствах он не меняет свою природу. Он не идёт по двум дорогам — у него один путь.

Конфуций говорит: «Благородный муж твёрд и не колеблется» («Лунь юй», IX.29) и «не идёт двумя путями» (IV.16). Чэн И, неоконфуцианец XI века, учит: «Принцип — неизменен; обстоятельства — преходящи; кто меняется с обстоятельствами, теряет принцип». Лао-цзы добавляет: «Кто держится, не отпускает; кто отпускает, не держится» («Дао дэ цзин», 64). Цзы-Чжэнь предвосхищает Чэн И: «ночью остаётся тем же, что днём» — формула цельности. Один путь — не упрямство, а постоянство.

71.

В мире убийц и злодеев отшельник не должен привлекать внимание своей праведностью.

Лао-цзы говорит: «Закрой отверстия, запри двери, притупи острия, распутай узлы — и будь подобен пыли» («Дао дэ цзин», 56). Чжуан-цзы описывает мудреца, который «притворяется глупым, чтобы выжить; прячет свой свет, чтобы его не украли» (гл. IV). Гэ Хун в «Баопу-цзы» добавляет: «Праведность в мире зла — это факел в темноте: он освещает тебя, но привлекает хищников». Цзы-Чжэнь — в том же духе: не прячь праведность — просто не показывай. Выживание — не трусость, а условие пути.

72.

Даже чувствуя пренебрежение и неуважение, мудрый не станет огорчаться.

Конфуций говорит: «Не печалься, что люди тебя не знают; печалься, если ты не знаешь людей» («Лунь юй», I.16). Мэн-цзы учит: «Благородный муж сохраняет невозмутимость; его покой не зависит от отношения других» (II. A.2). Чжуан-цзы добавляет: «Мудрец не огорчается чужим неведением, потому что неведение — не оскорбление, а состояние» (гл. I). Цзы-Чжэнь конкретизирует: пренебрежение — не повод для огорчения, потому что оно — не о тебе, а о тех, кто пренебрегает.

73.

Мудрость мешает людям быть плохими — вот почему они не хотят ей следовать.

Лао-цзы говорит: «Мудрец практикует дао, а глупец смеётся» («Дао дэ цзин», 41). Хань Фэй-цзы учит: «Людьми движет выгода, а не добродетель; мудрость невыгодна, потому что она требует отказа от выгоды» (гл. «Пять вредителей»). Чжуан-цзы добавляет: «Мудрость — это зеркало, в котором люди видят свои пороки; неудивительно, что они разбивают его» (гл. II). Цзы-Чжэнь заостряет: люди не следуют мудрости не от неведения, а от нежелания — потому что она мешает быть плохими.

74.

Человек умирает, как только перестаёт расти.

Конфуций говорит: «Учиться и не уставать» («Лунь юй», VII.2). Лао-цзы учит: «Уменьшай, уменьшай — и придёшь к недеянию» («Дао дэ цзин», 48). Ван Янмин сформулирует: «Жизнь без действия — не жизнь; рост — не прогресс, а условие существования; кто перестал действовать, перестал быть». Цзы-Чжэнь предвосхищает Ван Ямина: смерть — не остановка сердца, а остановка роста. Тело может жить, но человек — уже мёртв.

75.

Ничтожный человек не может переносить превосходство другого.

Лао-цзы говорит: «Самовлюблённый не просияет» («Дао дэ цзин», 24). Конфуций учит: «Благородный муж радуется чужой добродетели; низкий — чужой неудаче» («Лунь юй», XIII.24). Чжуан-цзы добавляет: «Лягушка в колодце не верит, что море существует; ничтожный не верит, что кто-то выше» (гл. XVII). Цзы-Чжэнь конкретизирует: не переносит — не потому что не понимает, а потому что не выносит. Чужое превосходство — для него не урок, а тень, которая ложится на его самооценку.

76.

У кого нет совести, тот называет выгодного человека своим братом. У кого нет сердца, тот говорит слова любви тому, кого не любит. У кого нет души, тот сталкивает другого в пропасть и идёт прочь.

Лао-цзы говорит: «Когда утратили дао — появилась добродетель; когда утратили добродетель — появился ритуал; когда утратили ритуал — появились правила и наказания» («Дао дэ цзин», 38). Конфуций учит: «Верность и искренность — основа» («Лунь юй», IV.15). Хань Фэй-цзы добавляет: «Когда нет внутреннего стержня, люди используют слова как инструменты: братство — для выгоды, любовь — для обладания, насилие — для устранения» (гл. «Пять вредителей»). Цзы-Чжэнь выстраивает тройную градацию отсутствия: нет совести — ложное братство; нет сердца — ложная любовь; нет души — разрушение. Чем больше отсутствует, тем страшнее последствия.

77.

Как просчитать правильный шаг? Как узнать, когда идти вперёд, а когда замереть? Как поймать сердце красавицы? Чтобы это знать, надо пройти над пропастью на канате. Надо научиться голыми руками ловить лисицу. Надо иметь огненное сердце, чтобы расплавить другое.

Гуй-гу-цзы, мастер стратегии, учит: «Тот, кто видит незримое, слышит неслышимое и чувствует неосязаемое, — неуязвим. Но этого нельзя выучить — этому можно только научиться через риск». Сунь-цзы говорит: «Знай, когда сражаться, а когда ждать; кто знает это, тот непобедим» (VIII.3). Чжуан-цзы описывает канатоходца, который «не думает о пропасти, потому что думает о шаге» (гл. XIX). Цзы-Чжэнь добавляет то, чего нет у стратегов: «огненное

сердце». Расчёт — недостаточен; нужен жар, чтобы расплавить чужое сердце. Знание — плюс риск — плюс страсть.

78.

Честный человек и на чужбине найдёт себе родину — обманщик и с родных краёв вынужден будет бежать.

Конфуций говорит: «Добродетель не одинока — у неё обязательно есть соседи» («Лунь юй», IV.2). «Шицзин» полон мотивов тоски по родине: «Я покинул родные края — и сердце моё плачет». Лао-цзы добавляет: «Кто владеет собой, тот везде дома; кто не владеет — нигде» («Дао дэ цзин», 54). Цзы-Чжэнь переворачивает «Шицзин»: родина — не место, а честность. Честный — везде дома, потому что его дом — внутри. Обманщик — нигде, потому что он убегает от себя.

79.

Доблестный муж помнит благодеяние и через двадцать лет. Он не упустит случая с благодарностью вернуть в два раза больше. Обыкновенный человек забывает благодеяние на второй день. Он ответит чёрной неблагодарностью благодетелю, если это будет сулить ему выгоду.

Конфуций говорит: «Не забывай сделанного тебе добра» («Лунь юй», IV.6). Хань Фэй-цзы учит: «Люди забывают добро, потому что память не приносит выгоды; неблагодарность — не забывчивость, а расчёт: предать благодетеля выгоднее, чем быть ему обязанным» (гл. «Пять вредителей»). Мэн-цзы добавляет: «Благородный муж отличается тем, что помнит добро, когда другие забыли» (II. A.2). Цзы-Чжэнь — между: доблестный помнит и возвращает вдвое — не из расчёта, а из внутреннего закона. Обыкновенный забывает — не потому что слабая память, а потому что выгода важнее.

80.

Есть лицемерные люди, которые дружат, когда с ними соглашаешься, но когда возражаешь — резко обрывают и идут прочь. С ними спор не затевай — истины не найдёшь, а раздражение останется.

Конфуций говорит: «Благородный муж спокоен и не соперничает; он согласен, но не поддакивает» («Лунь юй», III.7). Хань Фэй-цзы учит: «Лицемер дружит, пока выгодно; когда выгода кончается — обрывает; его дружба — сделка, а не связь» (гл. «Пять вредителей»). Чжуан-цзы добавляет: «С человеком, который не слышит, спорить — что кричать в уши глухому: он не услышит, а ты охрипнешь» (гл. II). Цзы-Чжэнь конкретизирует: с лицемером не спорь — не потому что боишься, а потому что спор с ним — не об истине, а о подчинении.

81.

Если человек, который называл тебя другом вчера, сегодня уже не вспоминает — кто он? Если любимая, которая говорила слова страсти вчера, сегодня говорит их другому — кто она? Они — пыль и тлен. Они — тени в твоей судьбе. Поэтому всегда отделяй ничто от человека и знай, с кем имеешь дело.

Лао-цзы говорит: «Прекрасное и безобразное рождаются вместе; трудное и лёгкое дополняют друг друга» («Дао дэ цзин», 2). Чжуан-цзы замечает: «Вчерашний друг — сегодняшний незнакомец; таков мир: всё течёт, всё меняется; мудрый не цепляется за тени» (гл. II). Лао-цзы добавляет: «Кто знает других — мудр; кто знает себя — просветлён» («Дао дэ цзин», 33). Цзы-Чжэнь заостряет: «отделяй ничто от человека» — формула распознавания. Не всё, что кажется человеком, — человек. Некоторые — тени, и задача — увидеть тень до того, как она исчезнет, унеся с собой часть тебя.

82.

Разобраться в основах. Отделить добро от зла. Заглянуть в себя и увидеть чёрную бездну. Вот шаги к просветлению.

Конфуций говорит: «Сдерживать себя и возвращаться к ритуалу» («Лунь юй», XII.1). Мэн-цзы учит: «В сердце каждого есть семена добра; возвращай их — и станешь благородным» (II. A.6). Сюнь-цзы возражает: «Природа человека зла; осознай это — и начнёшь исправлять» (гл. «О злой природе»). Чжуан-цзы добавляет: «Мудрый не боится своей тьмы; кто боится — не войдёт в свет» (гл. VI). Цзы-Чжэнь — ближе к Сюнь-цзы и Чжуан-цзы: просветление начинается не с добра, а с видения бездны. Не отвернуться — первый шаг.

83.

Нужны ли принципы в бесчестном мире? Обыкновенный человек полагает, что не нужны. Поэтому его выгода оборачивается банкротством. Доблестный муж полагает, что нужны. Поэтому его благодеяния возвращаются ему уважением и восхищением.

Конфуций говорит: «Благородный муж знает долг; низкий знает выгоду» («Лунь юй», IV.16). Хань Фэй-цзы учит: «Выгода без принципа — самоубийство; тот, кто предаёт ради выгоды, будет предан ради выгоды» (гл. «Пять вредителей»). Мэн-цзы добавляет: «Только великий человек может говорить с правителем о долге, а не о выгоде» (I.A.1). Цзы-Чжэнь опровергает Хань Фэй-цзы: выгода без принципа — не прагматика, а банкротство. Принципы — не идеализм, а долгосрочная стратегия выживания.

84.

Ты можешь возвращать в себе зло, и оно останется в тебе. Ты можешь творить добро, и оно станет частью тебя. Ты будешь тем, что сделал, а не тем, кем бы ты хотел быть.

Мэн-цзы учит: «В каждом есть семена добра и зла; вопрос в том, какие возвращают» (II. A.6). Ван Янмин сформулирует: «Ты — твои поступки; желание без действия — пустота; знание без действия — не знание». Чжуан-цзы добавляет: «Дерево узнают по плодам, а человека — по делам; листья обманчивы, плоды — нет» (гл. II). Цзы-Чжэнь предвосхищает Ван Ямина: ты — не намерение, а сумма поступков. Хотеть быть добрым — не значит быть им; делать добро — значит стать им.

85.

Хочешь — воспитывай себя, хочешь — не воспитывай. И то, и другое делаешь для себя.

Конфуций говорит: «Сдерживать себя и возвращаться к ритуалу» («Лунь юй», XII.1). Сюнь-цзы учит: «Самовоспитание — единственный путь; природа человека зла, и без усилия он остаётся злым» (гл. «Об учении»). Чжуан-цзы парадоксально замечает: «Даже отказ от пути — путь; только в обратную сторону; и он тоже ведёт куда-то» (гл. II). Цзы-Чжэнь заостряет: нет нейтрального состояния. Всё, что делаешь, — для себя. Отказ от воспитания — не свобода, а воспитание порока.

86.

Лучше быть глупым, чем невоспитанным. Умных хамов хватает.

Конфуций говорит: «Сдерживать себя и возвращаться к ритуалу» («Лунь юй», XII.1). Хань Юй, возродитель конфуцианства IX века, боролся с упадком нравов: «Когда ум заменяет доброту, общество становится умным и жестоким; это хуже, чем глупое и доброе». Сюнь-цзы добавляет: «Ум без воспитания — опаснее глупости; глупый хотя бы слушает, умный хам не слышит» (гл. «Об учении»). Цзы-Чжэнь — жёстче: ум без воспитания — не достоинство, а угроза. Глупость — простительна; невоспитанность — нет.

87.

Благородного мужа слово связывает по рукам и ногам.

Конфуций говорит: «Сначала делай, потом говори» («Лунь юй», II.13) и «благородный муж сдержан в словах» (XIII.27). Лао-цзы добавляет: «Лёгкое обещание рождает мало доверия» («Дао дэ цзин», 63). Сюнь-цзы учит: «Слово — не звук, а обязательство; кто сказал — связал себя; кто не связал — не сказал» (гл. «Об учении»). Цзы-Чжэнь усиливает: слово — не сообщение, а цепь. Для благородного мужа слово — тяжесть, которую он несёт. Не кандалы — но добровольные путы, и в этом — его сила.

88.

Уважать мир нельзя, но без уважения в нём не проживёшь.

Лао-цзы говорит: «Мудрец не имеет постоянного сердца — берёт сердце народа как своё» («Дао дэ цзин», 49). Конфуций учит: «Сдерживать себя и возвращаться к ритуалу» («Лунь юй», XII.1). Чжуан-цзы иронизирует: «Мир не заслуживает уважения, но и без уважения в нём не проживёшь; это двойное правило, которому мудрый следует, не жалуясь» (гл. IV). Цзы-Чжэнь переворачивает Лао-цзы: уважение к миру — не из сострадания, а из расчёта. Мир не заслуживает, но без уважения — не выжить. Это не лицемерие, а прагматика благородного мужа.

Глава третья

Камень в бурном потоке

1.

Чёрный хлеб в чужом застолье слаще кажется, чем белый хлеб дома.

«Шицзин» полон мотивов тоски по чужому: «Чужая еда кажется слаще, чужая трава — зеленее». Лао-цзы говорил: «Знать достаток — значит быть богатым» («Дао дэ цзин», 33). Бай Цзюйи, поэт IX века, писал: «Чужой рис кажется сладким, но вернувшись домой, понимаешь: свой рис — слаще, просто не замечал». Цзы-Чжэнь фиксирует психологический закон: чужое всегда привлекательнее не по качеству, а по новизне.

2.

Не надо доброе делать другим, научись доброе делать себе — возьми в своё сердце честность и справедливость.

Конфуций говорил: «Не делай другим того, чего не желаешь себе» («Лунь юй», XII.2). Но Конфуций — о запрете, а Цзы-Чжэнь — о последовательности: сначала — себе, потом — другим. Лао-цзы добавляет: «Кто уважает себя, того уважают другие; кто не уважает — тот не достоин уважения» («Дао дэ цзин», 72). Ван Янмин скажет: «Начни с сердца; если сердце нечисто, добро другим — лицемерие». Цзы-Чжэнь предвосхищает: добро другим без добра себе — пустая трата.

3.

Не забывай, что злое слово, выпущенное тобой, может вернуться камнем.

Лао-цзы говорил: «Хороший путь не имеет следов; хорошие слова не имеют изъянов» («Дао дэ цзин», 27). Конфуций учил: «Благородный муж сдержан в словах» («Лунь юй», XIII.27). «Хуайнань-цзы» добавляет: «Слово — как стрела: выпустив, не вернёшь; но стрела ранит тело, а слово — судьбу». Цзы-Чжэнь усиливает образ: слово возвращается не словом, а камнем — тяжестью, которая ранит сильнее, чем было пущено.

4.

Опасайся того, кто хвалит твоих врагов.

Хань Фэй-цзы учил: «Тот, кто хвалит твоих врагов, — не друг; он ищет вашего ослабления через разделение» (гл. «Пять вредителей»). Гуй-гу-цзы, мастер стратегии, говорил: «Кто хвалит твоих врагов, — уже выбрал сторону; он просто ещё не показал какую». Конфуций добавлял: «Любящий и добрых, и злых — никого не любит» («Лунь юй», XIII.24). Цзы-Чжэнь — короче: хвала врагам — предупредительный знак, который читается раньше, чем предательство.

5.

Не имеет смысла освещать знаниями путь других людей — они всё равно не пойдут по нему. Лучше свети себе и иди сам по этому пути, а кто хочет — тот пойдёт следом.

Лао-цзы говорил: «Мудрец учит без слов» («Дао дэ цзин», 43). Конфуций учил: «Можно учить того, кто знает, что не знает» («Лунь юй», VII.3). Чжуан-цзы добавлял: «Не пытайся осветить чужую тьму — зажги свой фонарь; кто захочет света — сам придёт» (гл. V). Цзы-Чжэнь синтезирует: не учить — а идти. Личный пример — единственное учение, которое работает.

6.

Просыпаться с улыбкой и засыпать умиротворённым. Устремлять взгляд на бегущий поток и чувствовать шёлк ветра. Делать добро и забывать зло. Вот еда и питье монаха.

Лао-цзы говорил: «Постижение постоянства — вот просветление» («Дао дэ цзин», 16). Бай Цзюйи писал: «Утром — чашка чая, вечером — луна в окне; и сердце не знает тревог». Гэ Хун в «Баопу-цзы» учил: «Покой тела — основа долголетия; покой сердца — основа мудрости; кто владеет обоими, тот постигает Дао». Цзы-Чжэнь — о повседневной практике монаха: не великие подвиги, а три простых действия, из которых состоит жизнь в Дао.

7.

Вышел драться с тигром — не поворачивайся к нему спиной.

Сунь-цзы учил: «Если решил сражаться — не оборачивайся; тот, кто оборачивается, уже проиграл» (VII.3). Лао-цзы говорил: «Начавший дело не бросает его на полпути» («Дао дэ цзин», 64). Хань Фэй-цзы добавлял: «Тигр, которого ты повернулся спиной, не упустит случая; уйти от тигра — значит стать его добычей» (гл. «О власти»). Цзы-Чжэнь — кратчайшая формула: начав — не отступай. Отступление — не осторожность, а гибель.

8.

Былое счастье — это светлое пятно, на фоне которого последующие сумерки жизни кажутся порой ещё темнее. Жаль того, кто несчастен по воле судьбы. Обидно за того, кто несчастен по своей воле.

Лао-цзы говорил: «Беда — это то, в чём таится счастье; счастье — это то, в чём таится беда» («Дао дэ цзин», 58). Мэн-цзы учил: «Несчастье от судьбы — можно перенести; несчастье от себя — непростительно» (VI. A.15). Шао Юн добавлял: «Светлое пятно прошлого — не утешение, а мера темноты настоящего». Цзы-Чжэнь различает два вида несчастья: судьба — достойна жалости; выбор — заслуживает обиды. Первое — несправедливость, второе — вина.

9.

От счастья к горю один шаг. От горя к счастью — длинная дорога.

Парная конструкция: асимметрия перехода. Лао-цзы говорил: «Мягкое побеждает твёрдое» («Дао дэ цзин», 36) — но Лао-цзы о принципе, а Цзы-Чжэнь о времени: счастье разру-

шается мгновенно, горе проходит медленно. «Ицзин», гексаграмма 11 («Мир») переходит в гексаграмму 12 («Застой») одним сдвигом линии — а обратный переход требует шести. Цзы-Чжэнь — формулирует ту же асимметрию в двух строках.

10.

Человек имеет в жизни два призвания: одно, которое он выбирает, — другое, которое выбирает его. Счастье — когда они совпадают.

Конфуций говорил: «В пятнадцать лет я устремился к учёбе» («Лунь юй», II.4) — он выбрал. И добавлял: «Знать судьбу — признак мудрости» (II.4) — судьба выбрала. Шао Юн учил: «У каждого два пути: один по желанию, другой по назначению; мудрый идёт по обоим, и они сливаются». Цзы-Чжэнь — короче: счастье — совпадение. Несовпадение — трагедия.

11.

Бескорыстная преданность больше всего стоит и меньше всего ценится.

Конфуций говорил: «Верность и искренность — основа» («Лунь юй», IV.15). Мэн-цзы учил: «Благородный муж хранит сердце, даже когда другие не хранят» (II. A.6). Хань Фэй-цзы объяснял причину: «Люди ценят то, что приносит выгоду; бескорыстное не приносит выгоды — потому и не ценится» (гл. «Пять вредителей»). Цзы-Чжэнь фиксирует парадокс: чем выше ценность — тем ниже оценка. Бескорыстие — редкое, а редкое не ценится, потому что не понятно.

12.

Искусство забывать трудней искусства помнить.

Лао-цзы говорил: «Уменьшай, уменьшай — и придёшь к недеянию» («Дао дэ цзин», 48). Чжуан-цзы учил: «Мудрый забывает и доброе, и злое; он живёт, как рыба в воде — не помня, что была суша» (гл. VI). Конфуций, напротив, говорил: «Не забывай сделанного тебе добра» («Лунь юй», IV.6). Цзы-Чжэнь — ближе к Чжуан-цзы: забывать — труднее, чем помнить, потому что память — естественна, а забвение — усилие.

13.

Только бестолковых беда учит лучше, чем наставление.

Перекличка с афоризмом 12 (гл. 2): «пока первый не потеряет здоровье, а второй — голову». Конфуций говорил: «Я не встречал того, кто, заметив ошибку, захотел бы её исправить» («Лунь юй», V.27). Мэн-цзы учил: «Только глупца учит беда; мудреца — предвидение» (II. A.2). Ван Янмин добавит: «Знать, но не исправлять — не знать; беда — учитель тех, кто не способен учиться у слов». Цзы-Чжэнь — горькое уточнение: беда — единственный учитель для тех, кто других не слышит.

14.

Пока не узнаешь, где дно, в воду не ныряй.

Сунь-цзы учил: «Не знаешь местности — не вступай в бой; не знаешь глубины — не переправляйся» (IX.2). Лао-цзы говорил: «Кто не знает глубины, тот тонет; кто знает — плывёт» («Дао дэ цзин», 53). Гуй-гу-цзы добавлял: «Прежде чем действовать, разведай дно; лучше не действовать, чем действовать вслепую». Цзы-Чжэнь — кратчайшая формула осторожности: дно — граница риска. Не знаешь — не ныряй.

15.

Человека сразу не познашь. Правда о нём со временем выясняется.

Конфуций говорил: «Слушай его слова, смотри на его поступки, наблюдай, от чего он находит покой» («Лунь юй», II.10). Мэн-цзы учил: «Чтобы узнать человека, смотри в его глаза; но глаза могут лгать — только время раскрывает сердце» (IV. A.16). «Люй-ши чунью» добавляла: «О человека судят не по первому дню, а по последнему; начало — маска, конец — лицо». Цзы-Чжэнь — короче: время — единственный судья.

16.

Если безмолвно смотреть на плохие поступки близких — значит поощрять их. Если ругать — значит учить их упорствовать в заблуждениях. Если объяснять и поучать — значит выпрямлять согнутое, наполнять пустое, отсеивать ненужное.

Трёхступенчатая градация реакций: молчание — ругань — поучение. Конфуций говорил: «Можно учить того, кто знает, что не знает» («Лунь юй», VII.3). Мэн-цзы учил: «Наказание без наставления — жестокость; наставление без наказания — слабость» (IV. A.4). Сюнь-цзы добавлял: «Прямое дерево не нужно гнуть; согнутое — нужно выпрямлять; пустой сосуд нужно наполнять; полный — не трогать» (гл. «Об учении»). Цзы-Чжэнь — синтез: молчание — соучастие, ругань — контрпродуктивна, поучение — единственный путь.

17.

Чем старше становится человек, тем меньше способен он учиться.

Конфуций говорил: «Учиться и не уставать» («Лунь юй», VII.2). Но Конфуций — об идеале, а Цзы-Чжэнь — о реальности: способность к учёбе убывает с возрастом. Сюнь-цзы учил: «Учение — как резец по нефриту: на мягком камне оставляет глубокий след, на твёрдом — едва царапает» (гл. «Об учении»). Чэн И добавит: «Сердце молодого — глина; сердце старого — камень; на камне учение не держится». Цзы-Чжэнь предвосхищает: возраст — не мудрость, а окаменелость.

18.

Язык нужен, чтобы скрывать свои мысли.

Перекличка с афоризмом 4 (гл. 2). Лао-цзы говорил: «Знающий не говорит; говорящий не знает» («Дао дэ цзин», 56). Хань Фэй-цзы учил: «Язык — инструмент обмана; тот, кто говорит всё, что думает, беззащитен» (гл. «О власти и законе»). Чжуан-цзы иронизировал: «Язык дан

не для слов, а для их сокрытия; тот, кто понял это, научился молчать» (гл. XIII). Цзы-Чжэнь — циничнее всех: язык — не средство общения, а средство защиты.

19.

Человек живёт правильными рассуждениями о жизни, а когда попадает в беду, начинает понимать, что на самом деле ими никогда и не жил.

Конфуций говорил: «Сначала делай, потом говори» («Лунь юй», II.13). Ван Янмин скажет: «Знание без действия — не знание; рассуждение без жизни — не мудрость, а тень». Мэн-цзы учил: «Испытание показывает разницу между словами и сердцем; до испытания все мудрецы» (VI. A.15). Цзы-Чжэнь предвосхищает Ван Ямина: правильные рассуждения — не жизнь, а репетиция. Беда — премьера, на которой оказывается, что репетировали не ту пьесу.

20.

На язык, который готов затеять ссору, надо вешать гири.

Лао-цзы говорил: «Хорошие слова не имеют изъянов» («Дао дэ цзин», 27). Конфуций учил: «Благородный муж сдержан в словах» («Лунь юй», XIII.27). «Хуайнань-цзы» добавляла: «Ссора — пожар; язык — искра; гиря на языке — противопожарная стена». Цзы-Чжэнь — образнее: гиря — тяжесть, которая не даёт языку взлететь. Не молчание, а вес.

21.

Люди — рабы денег, поэтому кто имеет деньги, владеет людьми.

Хань Фэй-цзы учил: «Людьми движет выгода; кто управляет выгодой, управляет людьми» (гл. «Пять вредителей»). Лао-цзы говорил: «Нет порока тяжелее страсти к накоплению» («Дао дэ цзин», 46). Гэ Хун в «Баопу-цзы» писал: «Золото — хозяин человека, а не человек — хозяин золота; кто гонится за золотом, тот его раб». Цзы-Чжэнь — короче всех: деньги = рабство. Не человек владеет деньгами, а деньги — человеком.

22.

Всякий человек в чём-то умён, а в чём-то глуп. Глупым или умным делает преобладание того или иного качества.

Конфуций говорил: «Среди троих идущих обязательно есть мой учитель» («Лунь юй», VII.22) — значит, и он у кого-то учится, и кто-то у него. Чжуан-цзы учил: «Каждый силён в своём и слаб в чужом; не бывает человека, который силён во всём» (гл. XVII). «Люй-ши чунью» добавляла: «Умный в одном — глуп в другом; глупый в одном — умён в другом; мерило — преобладание». Цзы-Чжэнь — о законе пропорции: не абсолют, а перевес определяет человека.

23.

Мудрые наставления — бельмо в глазу глупого.

Лао-цзы говорил: «Мудрец практикует дао, а глупец смеётся» («Дао дэ цзин», 41). Конфуций говорил: «Можно учить того, кто знает, что не знает; нельзя учить того, кто не знает, что не знает» («Лунь юй», VII.3). Чжуан-цзы добавлял: «Бельмо на глазу — не вина глаза; бельмо на сердце — не вина сердца; но бельмо не даёт видеть, и наставление — тоже» (гл. II). Цзы-Чжэнь — образнее: мудрость — не свет для глупого, а бельмо, которое мешает ему видеть свой мир.

24.

Люди делятся на тех, кто не слушает мудрые изречения и живёт своей правдой; на тех, кто слушает, но не следует им; на тех, кто и слушает мудрые изречения, и следует им. Первые, попав в беду, оставляют свои изречения в назидание потомкам. Вторые сожалеют о позднем уме. Третьи не имеют ошибок, о которых сожалеют. Первых — большинство. Вторых — сотни. Третьих — единицы.

Трёхступенчатая градация с количественным распределением. Конфуций говорил: «Я не видел, чтобы кто-то любил добродетель так, как красоту» («Лунь юй», IX.18). Хань Юй, возродитель конфуцианства IX века, писал: «Большинство учится только после беды; меньшинство — до; единицы — не нуждаются в беде». Сюнь-цзы добавлял: «Слышать и не следовать — хуже, чем не слышать; не слышать — неведение, слышать и не следовать — предательство себя» (гл. «Об учении»). Цзы-Чжэнь — статистически точен: большинство — сотни — единицы. Закон убывающей мудрости.

25.

Если ты не знаешь правду о себе, то солги. Если получится, то поймёшь, кто ты на самом деле.

Лао-цзы говорил: «Познай других — мудрость; познай себя — просветление» («Дао дэ цзин», 33). Лу Цзююань, оппонент Чжу Си, учил: «Сердце знает себя само; не нужно искать знание вовне». Чжуан-цзы добавлял: «Ложь о себе — зеркало; в нём видно то, что правда скрывает» (гл. II). Цзы-Чжэнь — парадоксальнее всех: ложь — инструмент самопознания. Если ложь получается — значит, правда была другой. Это мысленный эксперимент, которого нет у классиков.

26.

В детстве каждый новый день — находка, в старости — подарок.

«Шицзин» полон контрастов молодости и старости. Лао-цзы говорил: «Можешь ли, концентрируя дух, быть как младенец?» («Дао дэ цзин», 10). Бай Цзюйи писал: «Молодость не знает ценности дня; старость знает, но дни кончились». Цзы-Чжэнь — о перемене восприятия: в детстве день — норма, в старости — чудо. Находка — то, что искали; подарок — то, чего не ждали.

27.

Когда видишь витязя в тигровой шкуре, спроси — как он убил тигра. По его ответу поймёшь, кто перед тобой — храбрец или хвастун.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.